

ДЖОРДЖ ГЕНТИ

ЛЕВ СВЯТОГО МАРКА.
ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ
НОЧЬ (СБОРНИК)

Классика приключенческого романа

Джордж Генти

**Лев Святого Марка.
Варфоломеевская ночь (сборник)**

«Public Domain»

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Генти Д. А.

Лев Святого Марка. Варфоломеевская ночь (сборник) /
Д. А. Генти — «Public Domain», — (Классика приключенческого
романа)

ISBN 978-5-486-03578-4

Джордж Альфред Генти (1832–1902) – известный английский писатель, журналист и путешественник. В составе британской армии участвовал в Крымской войне, а позднее освещал многие вооруженные конфликты в качестве военного корреспондента. В конце XIX в. он считался одним из самых популярных авторов историко-приключенческого жанра. С 1868 г. им написано около 80 романов, среди которых «Под флагом Дрейка» (1883), «Лев Севера» (1885) и другие, а также множество рассказов. В этом томе представлены два произведения Генти. Роман «Лев Святого Марка» посвящен самому тяжелому периоду борьбы Венецианской республики за существование, когда ей приходилось одновременно обороняться против объединенных сил Генуи, Падуи и Венгерского королевства... В романе «Варфоломеевская ночь» описан не менее сложный период в истории Франции – религиозные войны второй половины XVI в. Католики готовятся захватить в плен королеву гугенотов Жанну д'Альбре и ее сына Генриха Наваррского. Адмирал Колиньи поручает молодому дворянину Филиппу Флетчеру доставить к королеве Наваррской секретное послание.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03578-4

© Генти Д. А.
© Public Domain

Содержание

Лев Святого Марка	7
Предисловие	7
Глава I	8
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	32
Глава VI	37
Глава VII	42
Глава VIII	49
Глава IX	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джордж Альфред Генти
Лев Святого Марка
Варфоломеевская ночь
(сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Лев Святого Марка

Предисловие

В истории найдется не много периодов, более интересных и удивительных, чем история возникновения и расцвета Венеции. Основанная в пятом столетии на нескольких песчаных островах в мелководной лагуне Адриатического моря беглецами из Италии, искавшими себе здесь убежища, Венеция с течением времени превратилась из маленькой общины в одно из самых могущественных государств Европы. Она властвовала над океаном, покорила немало земель на побережье Адриатического моря, положила предел все возраставшему могуществу Турции, подчинила себе Константинополь, победоносно отразила все попытки соперников сокрушить ее силу и явилась сосредоточием всемирной торговли, почти такой же обширной, какую ведет Англия в наши дни.

Венецианская республика управлялась так называемым Великим Советом, верховным правительственным учреждением, во главе которого стоял дож, верховный правитель Венеции, избиравшийся пожизненно.

Рассказ, который мы предлагаем вниманию наших читателей, относится не ко времени полного расцвета Венецианской республики, а к эпохе самой тяжелой ее борьбы за существование, когда ей приходилось одновременно обороняться против соединенных сил Генуи, Падуи и Венгрии. Зато в эти тяжкие для нее годы с особенным блеском проявились лучшие качества, отличавшие граждан Венецианской республики, – мужество, любовь к родине и самоотречение, не отступающее ни перед какими жертвами.

В настоящее время Венеция входит в состав Итальянского королевства. Это чрезвычайно красивый и своеобразный город, в котором путешественник с удивлением видит вместо улиц каналы, а вместо экипажей – лодки (гондолы). В тихих водах лагун отражаются великолепные фасады домов, из которых многие сохранились еще из тех времен, когда Венеция была самостоятельным государством, являясь безмолвными свидетелями давно минувшего прошлого.

Глава I Венеция

Едва ли у вас на вашем окутанном туманами острове удастся наслаждаться такими восхитительными ночами, как эта ночь, Франциск?

– Ты ошибаешься, – заступился за свое отечество тот, к которому был обращен этот вопрос, – у нас на Темзе мне не раз случалось любоваться подобными же чудными ночами. Часто, стоя на ступенях лондонского собора Святого Павла, я следил за отражением в водах Темзы луны и огней из освещенных домов да скользящих по реке лодок, совершенно так, как мы это делаем в настоящую минуту. Должен, однако, сознаться, – прибавил он, – что такие тихие, прекрасные ночи, как здесь, у вас в Венеции, у нас все-таки редкость, но зато и у вас бывают туманы, которые стелются на поверхности воды, совершенно так, как у нас.

– Поэтому-то, вероятно, тебе так нравится здесь; ты ведь очень доволен, не правда ли, что отец твой переселился в Венецию?

Франциск Гаммонд помолчал некоторое время, прежде чем ответил:

– Да, я доволен тем, что имел случай увидеть многое, чего дома не удалось бы мне видеть; я рад также, что выучился вашему языку. Но все-таки мне больше нравится мое отечество. Здесь все как-то иначе. У нас дома было веселее. У моего отца было двое-трое учеников, с которыми я развлекался, когда закрывали нашу лавку; разумеется, нам иногда попадало за наши шалости, но наказания бывали не строгие. Случалось, что затевались сражения между молодыми подмастерьями различных кварталов города. Тогда все хватались за палки и дубинки и дрались до тех пор, пока городская стража приходила разнимать их. Иной раз затевалась стрельба в цель; устраивались представления и другие развлечения. Да, наша молодежь умеет веселее проводить время, чем здешняя; наши юноши развязнее и свободнее, чем ваши. Вообще нам живется лучше. Если кто-нибудь совершит у нас какой-либо проступок, то ему дают возможность оправдаться. У нас нет этого страха перед тайными судилищами, как у вас; нет тайных доносов. Начать уже с того, что у нас нет вашей Львиной пасти¹ и вашего Совета Десяти².

– Франциск! – в страхе воскликнул его собеседник, схватив юношу за руку. – Ни слова против Совета! Нас могут подслушать! – Он бросил тревожный взгляд вокруг себя, с целью убедиться, не подслушали ли их разговор.

– Вот видишь! В том-то и дело! – сказал его собеседник. – У нас в Англии нечего опасаться человеку, у которого совесть чиста, а здесь никто не может поручиться за то, что завтра же он совершенно безвинно не очутится в тюрьме Святого Марка.

– Тише, тише, Франциск! – с беспокойством прервал его Маттео. – Поговорим лучше о чем-нибудь другом. Все, что ты говоришь, может быть, совершенно справедливо, но у нас благоразумнее не высказывать этого. Без сомнения, многое могло бы быть иначе у нас, но нельзя же иметь всего, а у нас есть многое, чем мы можем по справедливости гордиться.

– Да, вы вправе гордиться, – согласился с ним Гаммонд. – Вы владычествуете над морями, и все государства Европы стремятся стать вашими союзниками. Не будь я англичанином, я, конечно, желал бы быть венецианцем.

Оба юноши стояли у канала против дворца Святого Марка. На площади, позади них, волновалась шумная толпа. Тут рассуждали о последних новостях из Константинополя, говорили о событиях, происшедших в Генуе – ненавистой сопернице Венеции; обсуждали письмо, которое епископ Тревильский передал Совету по поручению Папы.

¹ На площади Дожей в Венеции находится еще и теперь изваяние львиной головы, и в его пасть в былые времена опускались безымянные письма и доносы.

² Совет Десяти состоял из облеченных неограниченной властью членов Великого Совета Венецианской республики.

Месяц ярко сиял и отражался в водах лагун, по которым пробегало бесчисленное множество легких волн от сотен двигавшихся взад и вперед гондол. На ступенях набережной, находившейся очень близко к тому месту, где стояли оба приятеля, шла непрерывная суматоха от причаливавших и отчаливавших гондол.

Франциск Гаммонд был сыном купца из Лондона, торговавшего заморскими товарами. Отец его уже много лет тому назад прекратил свои дела на родине и завел новое дело в Венеции, надеясь в скором времени добиться и богатства и власти в процветавшем торговом городе. Успех превзошел все его ожидания. В те времена часто можно было за бесценок приобрести различные весьма ценные предметы торговли, в особенности когда продавались товары с захваченных генуэзских кораблей или груз с кораблей морских разбойников. Случалось, конечно, Гаммонду терпеть и убытки, так как иногда венецианские корабли, в свою очередь, попадали в руки генуэзских или мавританских морских разбойников. Благодаря своей купеческой аккуратности и опытности мистер Гаммонд в скором времени добился видного положения в Венеции. В то время республика переживала эпоху быстрого роста. Если временами ее и тревожило вмешательство в итальянские дела Франции, Германии, Австрии и Венгрии, зато мирные торговые сношения с Германией, Англией и Францией доставляли ей несомненные выгоды. Из всех итальянских городов первенствующее место занимала Венеция. Ее местоположение у открытого моря давало ей возможность развить свой великолепный флот, с которым мог бы сравниться разве только флот генуэзский. Своему быстрому расцвету она не в меньшей степени была обязана также способностям и характеру своих граждан. Венецианцы были во многом сходны с римлянами. Постигавшие их удары судьбы не приводили их в отчаяние. Неудачи рождали в них только еще большую смелость, и после каждого поражения они становились даже как бы сильнее прежнего. От каких-либо народных смут или восстаний, игравших столь важную роль в истории различных соперничавших с нею итальянских государств, Венеция тоже была избавлена. Таким образом, все свои силы она могла всецело посвятить делам торговли. Всегда готовая стать на защиту слабого от притеснений сильного и оказать поддержку деньгами и войском тому государству, которому приходилось воевать с каким-либо честолюбивым соседом, Венеция попеременно становилась то на сторону Падуи против Вероны, то на сторону Вероны против Падуи; или же на сторону обеих вместе, когда им грозила опасность со стороны возмужавшего в то время могущества миланцев. И почти из всех сражений Венеция выходила обогащенная и большей славой, и новыми владениями. Эта постоянная забота о чужих интересах повлекла, однако, к тому, что внутри страны возникли некоторые неурядицы. Бдительность, с которой Совет Десяти старался подавлять заговоры, породила ненавистную систему шпионства. Город был переполнен шпионами; всякое малейшее проявление какого-либо неудовольствия со стороны граждан подвергалось строгому наказанию. Убийства тогда бывали почти заурядным явлением, и если жертвой убийства оказывалось лицо маловлиятельное, то никто не придавал значения тому, что труп внезапно исчезнувшего человека выбрасывался волною лагун на берег. Такие преступления в большинстве случаев оставались безнаказанными, и если даже открывали убийцу, но у него оказывались власть и имущие друзья, то самым тяжким наказанием для него, и то лишь в редких случаях, была только временная ссылка.

Оба приятеля, которых мы покинули на площади, оставались там еще некоторое время, а потом смешались с толпой. В толпе теснились разодетые в шелк и бархат дворяне, бедные рыбаки с лагун, жители морских берегов и островов, подчинившиеся владычеству Венеции, греки из Константинополя, татарские купцы из Крыма, торговцы из Тира и жители Эгейских островов. Среди этой тесноты торговцы предлагали покупателям фрукты и цветы, воду и разные прохладительные напитки.

Спутник нашего юного англичанина, Маттео Джустиниани, принадлежал к одной из знатных венецианских фамилий и мог поэтому назвать по имени многих из попадавшихся им навстречу дворян и знатных лиц.

– Вот это Пизани, – сказал он, – ты уже знаешь его: славный, веселый товарищ! Матросы готовы на все для него; он будет, говорят, командовать первой эскадрой, которая выйдет в море. Как я желал бы отправиться вместе с ним. Вот, воображаю, жаркое сражение будет, когда он повстречается в море с генуэзцами. Его отец был одним из самых знаменитых наших адмиралов. Позади Пизани стоит дворянин Фиофио Дандоло, он принадлежит к одной из выдающихся венецианских фамилий. Желал бы я видеть его предка, старого знатного дожа³, который взял приступом стены Константинополя и поделил Восточную империю между рыцарями, принимавшими участие в крестовых походах. Да, это был герой! Но кто же этот молодой дворянин в зеленой бархатной мантии? Ах да! Я знаю его, это – Руджиеро Мочениго; он был сослан на два года в Константинополь за то, что убил Паоло Морозини; он-то сам утверждает, что убил его в открытом бою, но никто не верит этому. За несколько дней перед убийством они затеяли спор о том, чей род древнее. Скоро после того на ступенях церкви Святого Павла был найден труп Морозини. Находившиеся недалеко люди услышали чей-то крик, прибежали на этот крик и видели, как Мочениго поспешно вскочил в свою гондолу. Он уже стал отчаливать от берега, но городская стража, проходившая случайно близ его лодки, задержала его, но так как у семейства Мочениго были в Совете большие связи, то придали веру показаниям ложного свидетеля и сначала оправдали Мочениго; все, однако, были настроены против него, так что Совет был вынужден присудить Руджиеро к двухгодичной ссылке. Теперь этот срок кончился, и Мочениго только что вернулся из Константинополя. Еще до этого случая про него ходила дурная молва, впрочем, у него такие влиятельные связи, что, я думаю, он опять будет принят в обществе, как будто ничего дурного не совершил. Много у нас найдется таких молодых людей, которые не только не лучше его, но, пожалуй, еще хуже.

– Но ведь это неслыханное дело, – горячился Франциск, – чтобы людям, у которых есть влиятельные связи, дозволяли совершать почти безнаказанно такие дела, за которые простого смертного повесили бы; закон должен быть одинаков как в отношении бедных, так и богатых.

– У нас и не делают различий, когда дело касается блага республики, – возразил его собеседник. – Если, например, кто-либо восстанет против правительства, то тут уже не разбирают, будет ли то знатный человек или простой рыбак; кто бы ни был заговорщик, он одинаково подвергается заточению в наши подземные темницы.

Франциск охотно еще побеседовал бы со своим приятелем, но ему надо было спешить домой, так как отец держал его строго и не позволял ему слоняться по улицам до поздней ночи.

Окно его комнаты, в которую он вошел, выходило на один из бесчисленных маленьких каналов, впадавших в Большой канал. Освещенные фонарями и факелами гондолы скользили под его окном взад и вперед, а когда он высовывался из окна, то мог различать огни гондол, плававших по Большому каналу. До его слуха доносились отрывочные слова песен, звуки гитары и веселый смех. Воздух был мягкий и теплый; вечер был такой чудный, что Франциск не мог заснуть. Он мысленно переживал испытанные им вечерние впечатления и задумался о воинственных героях, о которых ему рассказывал его приятель; к тому же у него не выходила из головы молва о новых предстоящих войнах республики. Его обуяло одно страстное желание. «Если бы я был постарше, – мечтал он, – то стал бы сражаться вместе с другими». Еще живя в Лондоне, он усердно упражнялся в рыцарских играх и не изменял своим привычкам и здесь, в Венеции. По его настоятельной просьбе отец позволил ему посещать школу фехтования, где сыновья дворян и зажиточных венецианцев упражнялись в фехтовании, в бросании метательного копья и в умении владеть секирой. Он отличался силой и ловкостью, что, впрочем,

³ Дожа – титул верховного правителя в прежней Венецианской республике.

признавали решительно все его товарищи. Часто он отправлялся на какой-нибудь уединенный остров и там упражнялся, стреляя из лука в цель. Он прилагал особое усердие к тому, чтобы добиться ловкости в управлении веслом. Он скоро научился отлично управлять гондолой, и самым большим для него удовольствием было, катаясь в гондоле вместе с Джузеппе, сыном гондольера его отца, грести самому. Молодежь знатных венецианских семейств не занималась греблей и считала это занятие даже унижительным, так что Франциск решался братья за весла только под покровом вечерней темноты или где-нибудь в отдаленных каналах, где не было большого движения гондол.

Утром, на другой день после свидания молодых приятелей, Франциск подходил к ступенькам, где гондольеры Беппо и Джузеппе в своих черных одеяниях, опоясанные красными кушаками, стояли у гондолы, поджидая мистера Гаммонда, который хотел ехать в Маламокко для осмотра груза, прибывшего накануне из Азова. Увидев Франциска, Джузеппе выскочил на берег.

– Я узнал тут об одной гондоле, синьор Франциск, которая как раз подойдет вам; вы можете купить ее за самый пустяк.

– Неужели! Где я могу посмотреть ее, Джузеппе?

– Она принадлежит одному человеку из Лидо. Два года тому назад владелец построил ее для гонок, но потом заболел и не мог пользоваться ею; теперь он охотно продал бы ее, так как она слишком легка для обыкновенной работы, уж так легка, как ореховая скорлупа. Она обошлась ему в четыре дуката, но он охотно уступит ее за два, она теперь совсем ему не нужна.

– Что же, это очень выгодно для меня, Джузеппе. Я давно подыскиваю себе подходящую лодку. Твоя гондола вполне годится для моего отца, а для меня она слишком тяжела. Сегодня же вечером мы прокатимся в Лидо и осмотрим гондолу, про которую ты говоришь.

Спустя несколько минут приблизился мистер Гаммонд. Беппо и его сын сняли куртки и в своих белоснежных рубашках и черных шароварах, с красными шарфами и лентами вокруг шляп, заняли свои места – один у носа гондолы, а другой – у руля. Гаммонд опустил на подушки посредине лодки, и гондола плавно и бесшумно поплыла по каналу. Франциск очень сожалел о том, что не мог сопровождать отца, так как по утрам он должен был посещать школу, в которой преподавались главным образом иностранные языки; в те времена в школах вообще мало обращали внимания на другие предметы. В этой школе он сталкивался с сыновьями знатных венецианских семейств, там же он впервые встретился с Маттео Джустиниани, который был теперь лучшим его другом. Маттео, как и все венецианские дворяне, стремился к тому, чтобы отличиться в искусстве владеть оружием, но у него не доставало именно того неутомимого усердия, которым обладал его друг. Он восторгался силой и ловкостью Франциска, но у него не хватало выдержки, чтобы проделывать те упражнения, благодаря которым его друг добился таких успехов. Частенько они толковали и даже спорили с Франциском о любви молодого англичанина к гребле.

– Не подобает молодому дворянину, Франциск, – уверял итальянец, – трудиться так, как работает простой гондольер; ведь этим людям платят за их труд; и что же это за удовольствие грести до полного изнеможения, этого я не постигаю. Я ничего не имею против того, когда ты увлекаешься в школе фехтования, где обучают владеть оружием, так как, не умея владеть мечом и кинжалом, нельзя сделаться героем, ну а умение грести для этого вовсе не требуется.

– Но мне это доставляет большое удовольствие, Маттео; видишь, какие у меня крепкие мускулы? И ты мог бы сделаться таким же сильным, если бы решился работать веслом. Ты представить себе не можешь, какое удовольствие испытываешь, когда гондола послушно повинуется каждому движению твоей руки.

– Ну, я охотно предоставляю это дело рукам других!

Вечером Франциск поехал с Джузеппе к лагунам, чтобы осмотреть там лодку, и пришел в восторг, когда увидел гондолу. Она была легка, как скорлупа; дерево в ней было чрезвычайно тонкое, и при этом сразу видно было, что она крепко и прочно построена.

– Я неохотно расстаюсь с ней, – сказал молодой рыбак, хозяин лодки. – Я испытывал ее два или три раза; она летит как стрела, но у меня лихорадка, и я уже не могу участвовать в гонках. А времена теперь плохие, приходится поневоле расстаться с ней.

Франциск и Джузеппе испытали лодку и пришли в такой восторг от ее легкости и быстроты, с какой она мчалась по воде, что Франциск тотчас же уплатил требуемую за нее сумму. Приобретение лодки доставило ему, кроме того, еще другую радость, так как отец разрешил ему теперь подольше оставаться вне дома и предпринимать более дальние поездки. Теперь не проходило почти ни одного вечера без того, чтобы Франциск не катался по лагунам в своей гондоле, и матросы, мимо которых часто даже ночью скользила его маленькая ладья, подгоняемая ударами весел, дружелюбно кивали ему головой.

Глава II

Заговор

– Кто такие эти дамы, Маттео? – спросил Франциск однажды вечером своего друга, когда они в сопровождении Джузеппе катались по Большому каналу и молодой венецианец поклонился двум молоденьким девушкам, проехавшим мимо них в гондоле.

– Это родственницы мои, Мария и Джулия Полани; они только недавно возвратились с Корфу. Их отец один из богатейших купцов в нашем городе; последние три года он провел на Корфу, где находятся главные его торговые склады. Род Полани очень древний, и из него избирались даже дожи. Молодые девушки считаются одними из богатейших наследниц в Венеции, так как братьев у них нет. Мать их умерла вскоре после того, как родилась Джулия.

– Они выглядят еще очень молодыми, – заметил Франциск.

– Марии только что минуло шестнадцать лет, а сестра моложе ее на два года.

– А кто же пожилая дама, сидевшая рядом с ними?

– Эта особа, – отвечал небрежно Маттео, – состоит при них еще с самого их детства и пользуется большим доверием самого Полани. Однако действительно твоя гондола замечательная, – прервал он самого себя, – она так и мчится.

– Не правда ли? Как стрела! Ты приходи как-нибудь вечером, Маттео, когда мы вдвоем с Джузеппе сядем на весла и будем грести.

– Да, хорошо иметь такую быстроходную лодку, – заметил Маттео задумчиво. – Представь себе, если ты, например, попадешь в какую-нибудь неприятную историю и за тобой будет гнаться по пятам лодка городской стражи!

– Надеюсь, что я никогда не подам повода к тому, чтобы меня преследовала городская стража. Ну а если бы мне пришлось удирать от кого-нибудь, то вряд ли кому удастся нагнать меня, будь у него даже двое гребцов против меня одного. Впрочем, ты прав, никогда наперед нельзя знать, что может случиться.

Спустя несколько дней после этого разговора Франциск поздно вечером возвращался домой по безлюдному каналу, как вдруг с берега кто-то окликнул его.

– Надо, пожалуй, подвезти этого человека, синьор Франциск? – спросил Джузеппе, так как уже не раз им случалось оказывать подобные услуги какому-либо запоздалому незнакомцу. Франциск греб, как и Джузеппе, в одной рубашке, без верхнего платья, и в темноте его часто принимали за простого гондольера. Такие похождения доставляли ему большое развлечение. Когда им случалось подвозить в гондоле кого-либо к условленному месту, Франциск, разглядывая ночного пассажира, часто размышлял о том, кто такой этот незнакомец и куда он спешит, не игрок ли он, который отыскивает своих сотоварищей в глухом кабаке. Впрочем, ему было безразлично, куда бы ни пожелал попасть пассажир, а для Джузеппе приманкой служила награда за его труды.

Франциск отвечал на вопрос Джузеппе утвердительным кивком, и они направили лодку к берегу.

– Вы, должно быть, не торопитесь на боковую? – сказал человек, подозвавший их к себе.

– Если нам платят хорошо, то нам ничего не стоит не поспать час-другой, – отвечал Джузеппе, который всегда в таких случаях вел разговор.

– Знаете ли вы, где остров Сан-Николо?

– Да, дорогу-то мы знаем, но это далеко отсюда.

– Вам придется там подождать меня час или два; я вам заплачу за это полдуката.

– Что же, мы согласны, – пробормотал Франциск.

Остров Сан-Николо был маленький песчаный островок, расположенный в стороне от группы других островов. На нем жило несколько бедных рыбаков, и у Франциска явилось

сильное желание узнать, за каким делом мог человек, по разговору и одежде, очевидно, принадлежащий к знатному роду, ехать в такой поздний час на этот остров; во всяком случае, тут было что-то таинственное. Когда незнакомец уселся в лодке, Франциск при сиянии звезд заметил, что на нем была маска. В гондоле не обменялись ни одним словом. Когда же путники уже почти приближались к своей цели, незнакомец прервал молчание.

– Вы прекрасно гребете, – промолвил он. – Если вы согласны, то в скором времени я опять найму вас.

– Мы всегда готовы зарабатывать деньги, – пробормотал Франциск преднамеренно измененным голосом.

– Хорошо, когда мы поедem обратно, я вам скажу, когда вы мне опять будете нужны. Надеюсь, что вы сумеете держать язык за зубами, если это понадобится?

– На этот счет будьте спокойны, – отвечал Джузеппе. – Заткните наши глотки серебром, так мы уж будем молчать.

Несколько минут спустя нос гондолы со скрипом врезался в песчаный берег острова. Незнакомец выскочил из лодки и, сказав: «Может быть, я вернусь не ранее, как часа через два», – быстро удалился.

– Скажите, ради бога, как же это вы, сеньор Франциск, согласились на поездку в эту глухую местность? – вскричал Джузеппе, как только исчез из виду пассажир. – Мне самому очень приятно заработать полдуката, который мне поможет обзавестись к будущему празднику новой курткой с серебряными пуговицами, а все-таки ехать в такую даль слишком рискованно; ведь будет очень поздно, прежде чем мы доберемся до дому. Если ваш отец проведает об этом, он очень рассердится.

– Разумеется, если я согласился, то не ради твоей куртки с серебряными пуговицами; я согласился потому, что эта поездка обещает какое-нибудь приключение. Что-нибудь тут кроется! Дворянин, – а по всему видно, что наш незнакомец дворянин, – никогда бы не поехал в такую позднюю пору на остров Сан-Николо без какой-либо особой причины. Вероятно, там происходит какое-нибудь тайное сборище; я заметил сегодня на лагунах несколько лодок, которые плыли в этом же направлении. Мне хочется непременно допытаться, в чем тут дело и что тут творится.

– Лучше не делать этого, сударь, – предупредил его серьезным тоном Джузеппе. – Если там затевается какой-нибудь заговор, то всего лучше нам не вмешиваться. Мы можем пострадать за это. Мне сдается, что всего лучше нам убраться отсюда подобру-поздорову.

– Нет, мне хотелось бы все-таки узнать, что там происходит, Джузеппе. Чем же мы рискуем? Я полагаю, что, пока мы на воде, нам никакие преследователи не страшны. Ты останься здесь, Джузеппе, а я последую за незнакомцем и постараюсь разведать, в чем там дело. Ты спустишь лодку на воду и будешь поджидать меня, так чтобы в случае чего я бы мог прибежать сюда, вскочить в лодку и умчаться.

Франциск со всевозможными предосторожностями тихо подкрался к рыбацким хижинам, стоявшим разбросанно на острове, но ни в одной из них он не мог заметить даже и признака жизни; нигде не слышно было ни одного звука. Он знал, что в глубине острова есть еще несколько домиков, но так как было темно, а с островом он не был знаком, то решил, что благоразумнее вернуться назад к своей лодке.

– Я не мог отыскать и следов нашего незнакомца, Джузеппе.

– Тем лучше, сеньор Франциск! Скажу вам откровенно, что я от души рад, что вы вернулись назад. Я постараюсь часочек соснуть и вам советую сделать то же самое.

Но Франциск не думал о сне; он сел на свое место в гондолу и стал думать, стоит ли ему заниматься дальнейшим расследованием этого дела. Джузеппе, скорчившись, лежал на дне лодки, и через несколько минут его равномерное дыхание доказало, что он крепко заснул; он даже не пошевелился ни разу, пока Франциск, услышавший приближавшиеся к лодке шаги,

разбудил его. Франциск приподнялся с своего места и стал потягиваться при приближении незнакомца, делая вид, что проснулся после крепкого сна.

– Доставьте меня обратно на то место, откуда я вас позвал, – сказал незнакомец, садясь в лодку, и откинулся на подушки.

Молодые люди опустили весла в воду, и гондола поплыла назад в город. Когда они добрались до устья Большого канала и собирались свернуть в сторону, из-под моста, навстречу им, выступила шестивесельная гондола, с которой раздался громкий голос:

– Стой! Именем Республики! Кто вы такие?

– Вперед! – вскричал незнакомец, быстро привстав со своего сиденья. – Гребите скорее! Десять дукатов, если мы скроемся от них!

Франциск двумя ударами весел повернул лодку так, что преследователи очутились сзади них, и тогда он и Джузеппе изо всей мочи налегли на весла. Как стрела понеслась лодка по воде. Гондола нагоняла их. Офицер, начальник гондолы, громким голосом подбадривал своих гребцов. Франциск понял, что им не уйти от преследователей, и, когда гондола была от них уже на расстоянии нескольких ударов весел, быстро свернул в маленький боковой канал. Гондола, захваченная врасплох этим внезапным поворотом, проскочила мимо бокового канала и отстала.

– Сейчас в первый канал направо, – шепнул Франциск и опять быстрым поворотом направил гондолу вперед. Несколько минут спустя они наконец потеряли из виду своих преследователей и теперь могли спокойно ехать к назначенному месту.

– К собору Святого Павла! – приказал незнакомец. – Однако отличились же вы, – прибавил он. – Видно, что вы мастера своего дела, вы гребли с такой быстротой, что задали-таки работу этим лентяям. Хотя у меня нет причин опасаться их погони, но нет и желания подвергать себя их допросам.

Он отдал Джузеппе обещанные деньги и сказал:

– В четверг! К половине одиннадцатого.

Джузеппе немного замешкался с ответом.

– Знаете что, синьор, это опасная служба, – сказал он. – Офицеры Республики не любят, чтобы с ними шутили и не повиновались их приказаниям. В следующий раз нам, может быть, не удастся так счастливо отделаться от них!

– Но если вам платят так хорошо, то и вы можете быть посмелее, – сказал незнакомец, отворачиваясь от них, как бы желая прервать всякие дальнейшие объяснения. – Наконец, в следующий раз мы можем и не встретить их.

Так они расстались. В промежуток времени до дня, назначенного для следующей встречи, Франциск серьезно обдумывал вопрос, стоит ли продолжать эти похождения; наконец он решил до поры до времени не прерывать их, так как никакой серьезной опасности пока ему не грозило. Со своей стороны, Джузеппе размышлял о том же, но он не особенно долго колебался, так как полученные им десять дукатов представляли большой соблазн для бедняка гондольера. Еще одна такая поездка, думал он, и ему удастся купить себе гондолу, жениться и обзавестись собственным хозяйством. Но еще прежде, чем истек установленный срок, Франциск узнал от Маттео Джустиниани новости, которые сильно заинтересовали его.

– Помнишь ли ты мою кузину Марию Полани, которую мы недавно вечером встретили на Большом канале?

– Конечно, помню, Маттео, и что же с ней?

– Представь себе только! Руджиеро Мочениго, которого я тебе показал тогда на площади, человек, который по подозрению в убийстве был два года в ссылке, вздумал свататься за нее и просить ее руки!

– Но ему, конечно, отказали? – спросил негодуяще Франциск.

– Да, конечно. Отец Марии сказал ему, что согласится скорей видеть свою дочь мертвой, нежели женой убийцы. Произошла очень бурная сцена, как мне говорили, и Руджиеро удалился, поклявшись, что Полани придется еще раскаиваться в своем обидном отказе.

– Но твой родственник не очень-то испугался этой угрозы?

– Я полагаю, что нет, – отвечал Маттео, – но у Руджиеро есть связи, так что он легко может отомстить ему; я не говорю уже о том, что он может за деньги найти человека, который в один прекрасный день заколет Полани своим кинжалом. Мой отец советовал ему быть настороже, когда ему приходится выходить ночью из дома. Этот негодяй Руджиеро опаснейший враг. С него все станется, он способен поджечь дом Полани, даже увести силой Марию из дома.

Наконец наступил условленный день, и гондола ждала в назначенный час на заранее указанном месте. Франциск предвидел, что незнакомец может задать им несколько вопросов о том, например, где они живут, где обыкновенно можно их нанять, вообще постарается по их ответам сообразить, вполне ли он может на них положиться, так как догадается, что они, со своей стороны, заподозрят, не замешан ли он в какое-либо опасное дело. Джузеппе был в этих случаях очень осторожен, и Франциск знал, что ему нет надобности входить в лишние объяснения с хитрым итальянцем, который всегда сумеет выдумать какую-нибудь более или менее правдоподобную басню, чтобы выпутаться из затруднительных обстоятельств.

Незнакомец появился у гондолы несколькими минутами позже назначенного времени.

– Однако вы не заставляете себя ждать, – сказал он. – Я этим очень доволен; ваш брат гондольер вообще народ не особенно аккуратный.

Франциск отвел весла к носу лодки и повернулся спиной к пассажиру, так что вопросы незнакомца поневоле должны были относиться не к нему, а к Джузеппе, стоявшему ближе к незнакомцу; случилось именно так, как ожидал Франциск. Незнакомец обернулся к Джузеппе и начал беседовать с ним.

– Я не могу разглядеть ваши лица, но, судя по вашему виду, вы, должно быть, еще очень молодые люди.

– Мне двадцать два года, – сказал Джузеппе, – а мой брат на год моложе меня.

– А как вас зовут?

– Джованни и Беппо Морани.

– А лодка эта ваша собственная?

– Да, сударь. Наш отец умер три года назад и оставил нам ее в наследство.

– А где вы обыкновенно стоите с гондолой?

– Везде, сударь, где придется! Иной раз бывает выгоднее одно место, другой раз другое.

– Где же вы живете?

– Можно сказать, сударь, что мы нигде не живем. Когда наступит ночь и у нас не предвидится работы, то мы привяжем лодку к какому-нибудь колу, завернемся в наши плащи и спокойно спим в лодке. Денег за это не надо платить, и мы чувствуем себя отлично.

– Значит, вы копите деньжонки?

– Да, откладываем понемногу. В один прекрасный день мы, вероятно, женимся, и тогда нам нужны будут деньги, чтобы прокормить наших жен. Кроме того, случается, что мы полениваемся и на время бросаем работу. Надо же когда-нибудь и нам доставить себе развлечение.

– Не согласились бы вы наняться к кому-либо в услужение?

– Нет, сударь. Мы хотим быть сами себе господами, захотим, повезем пассажира, не захотим – не повезем; делаем то, что нам хочется.

– Значит, у вас нет определенного места стоянки, где бы я мог всегда найти вас?

– Нет, сударь, но мы всегда можем вас встретить на условленном заранее месте, если вы дадите нам знать вовремя.

– Как же я могу дать вам знать, – сказал с досадой пассажир, – когда я не знаю, где вас можно найти?

Джузеппе замолчал, как будто обдумывая что-то.

– Если бы ваша милость написали цифрами час, в который мы вам нужны, на подножии колонны дворца на углу Пьяцетты, то мы почаще ходили бы туда днем и посматривали, нет ли там какой-либо надписи.

– Вы, значит, умеете читать и писать? – спросил пассажир.

– Нет, сударь, мы только цифры разбираем. Цифры нам необходимо знать, а то как же мы будем узнавать часы? Мы разбираем цифры на солнечных часах, а уметь читать и писать вовсе и не требуется таким беднякам, как мы.

Пассажир, по-видимому, удовлетворился этим ответом. Во всяком случае, они знали цифры на солнечных часах, и этого было достаточно, чтобы он мог условливаться с гондольерами.

– Хорошо, – сказал он, – когда я вас отпущу, то я, вероятно, назначу час, в который вы мне будете опять нужны, в случае же какой-нибудь перемены я напишу вам на условленной колонне тот час, в который вы должны будете поджидать меня на условленном месте. – Больше они не проронили ни одного слова до тех пор, пока гондола не причалила к тому месту, где они остановились в прошлый раз.

– Я опять пробуду здесь столько же времени, как в последний раз, – сказал незнакомец, вылезая из гондолы.

Франциск не мог устоять против искушения последовать за ним и осторожно стал прокрадываться в некотором расстоянии от него. Предположения Франциска оправдались: незнакомец направился не к селению, но прошел недалеко от берега по краю острова. Вдруг Франциск услышал удары весел, и вскоре в песок врезалась гондола как раз между ним и незнакомцем. Франциск лег на землю, чтобы его не могли увидеть. Из гондолы вышли двое мужчин и пошли по тому же направлению, куда направился незнакомец. Франциск осторожно сделал маленький обход в сторону из опасения, чтобы его не заметили поджидавшие своих пассажиров гондольеры, а затем поспешил за тремя едва видимыми в темноте мужчинами. После того как они прошли около четверти часа по окраине острова, они свернули в сторону от берега и остановились перед мрачным строением. Франциск слышал, как они постучали в дверь хижины, потом до слуха его долетел какой-то шепот, как будто кто-то обменивался вопросами и ответами. Затем все вошло в хижину, и дверь захлопнулась за ними.

Когда Франциск, выждав несколько минут, добрался до этого места, то очутился перед развалившейся хижинкой, стоявшей между двух песчаных бугров. Окна были закрыты ставнями, и изнутри не проникало даже луча света.

Осторожно обошел Франциск вокруг хижины, присел на корточки в углу у двери и стал выжидать.

Вскоре он опять услышал приближавшиеся шаги; какая-то темная фигура трижды постучалась в дверь, и на этот стук откликнулся изнутри чей-то голос.

– Кто там?

– Добрый друг!

– Пароль?

– Месть врагу!

Франциск, напряженно прислушиваясь, услышал шум, как будто отодвигали задвижку, дверь открылась и тотчас же опять закрылась за вошедшим.

Явились еще четыре новых лица, и каждый раз из хижины задавались те же вопросы, на которые следовали те же ответы, а потом опять все затихало. Франциск растянулся на песке и своим кинжалом начал сверлить дыру в деревянной стене хижины; бревна ее были такие ветхие, что легко поддавались его усилиям.

Приложившись глазом к сделанному отверстию, он увидел около двенадцати сидящих за столом мужчин.

Из числа сидевших, лица которых были обращены в его сторону, он знал только трех или четырех; все они были из знатных семейств. Двое из них были членами Совета, но не принадлежали к Совету Десяти. Один мужчина, сидевший во главе, что-то говорил, но как ни старался Франциск расслышать его слова, он не мог понять ни одного слова. Он осторожно привстал, сгреб в кучу песок, чтобы скрыть сделанное им в стене отверстие, замел свои следы и прошел на другую сторону хижины, где опять просверлил дыру. Теперь он мог разглядеть лица тех, кто раньше сидел к нему спиной, и тотчас же он признал в одном из них Руджиеро Мочениго. Сидевший с ним рядом человек был незнаком Франциску, но по одеянию его можно было принять за венгерца, а другие трое были, по-видимому, не из дворян. Прошел почти час, пока Франциск был занят сверлением и подслушиванием, так что он считал за лучшее вернуться к лодке. Стараясь тщательно скрыть всякие следы своего пребывания, Франциск поспешно направился к гондоле.

– Слава богу! Наконец-то вы вернулись, – встретил его Джузеппе. – Меня даже лихорадка стала трясти, пока вы пропадали. Добились ли вы чего-нибудь?

– Как сказать! Я узнал только то, что они затевают какой-то заговор. Некоторых из участников я знаю, но о чем они говорят, не знаю – я не мог разобрать ни одного слова.

– Я думаю, что в другой раз вы не согласитесь ехать сюда, синьор: вы знаете, что иметь дело с заговорщиками опасно. Кто дорожит своей жизнью, тот не должен наживать себе врагов в Венеции.

– Да, это я знаю отлично, Джузеппе, и мне надо обдумать это дело.

Не прошло и четверти часа, как вернулся их пассажир. Франциск был очень рад, что не остался дольше на опасном посту около хижины. На этот раз они сделали большой крюк на обратном пути и, въехав в город по одному из многочисленных каналов, благополучно добрались до места без всяких помех. Незнакомец вручил Джузеппе деньги и сказал:

– Я не знаю, когда вы опять понадобится мне, но я напишу час на колонне, как мы уговорились. Не пропускайте ни одного дня без того, чтобы не справляться там; даже если там ничего не будет обозначено, то поджидайте меня здесь в половине одиннадцатого. Может так случиться, что вы вдруг мне понадобится.

Прежде чем заснуть в эту ночь, Франциск, обдумывая все случившееся, пришел к заключению, что лучше ему отказаться от всякого дальнейшего участия в этом деле. Конечно, проще всего было бы проехать к Сан-Николо днем, незаметно вынуть доску с задней стены хижины или проделать большое отверстие, чтобы он мог одинаково хорошо видеть и слышать, что там творится; но если бы оказалось, что там происходят встречи врагов Венеции, например граждан Падуи и Венгрии, то что же ему делать в этом случае? Даже в самом благоприятном случае, если бы по его указанию удалось арестовать заговорщиков, он сам все-таки очутился бы в очень незавидном положении. Несомненно, что Республика была бы ему обязана за его услугу, но он не нуждался ни в какой награде. С другой стороны, несомненно и то, что он нажил бы себе много врагов из самых знатных венецианских семейств и жизнь его была бы в вечной опасности. До сих пор его участие в этом деле можно было бы назвать порывом, мимолетной вспышкой мальчишеского любопытства. Но теперь, когда он убедился, что затеянное дело настолько серьезно, что может повлечь за собой печальные последствия и даже, может быть, угрожать жизни нескольких лиц, он решил вовсе прекратить свои похождения с таинственным незнакомцем.

Глава III

На Большом канале

На другое утро Джузеппе был очень обрадован, когда Франциск сказал ему о своем решении отказаться от всяких дальнейших попыток расследовать дело о заговоре в Сан-Николо. Уже несколько ночей как он плохо спал и очень тревожился не столько даже за себя, сколько за участь своего господина, так как был уверен, что месть заговорщиков обрушится скорее на Франциска, а не на него, бедняка гондольера, который только исполняет приказания своего господина. Понятно поэтому, что он почувствовал необыкновенное облегчение, когда узнал, что Франциск решил больше не ездить на Сан-Николо.

В течение нескольких последующих дней Франциск чаще обыкновенного отправлялся на площадь Святого Марка; там среди толпы он встречал лиц, которых видел в хижине, и через своих знакомых разузнавал имена их и фамилии. Франциск был очень доволен сведениями, которые ему удалось раздобыть, полагая, что они могут ему со временем пригодиться.

В видах предосторожности он написал точный отчет обо всем, происходившем на лагунах в течение этих двух ночей, написав в отчете имена присутствовавших в хижине; затем он спрятал отчет в своей комнате и обо всем этом рассказал Джузеппе.

– Я думаю, нечего опасаться, что нас могли узнать, Джузеппе; тогда было слишком темно, и незнакомец не мог разглядеть наши лица. Но осторожность никогда не вредит, и если со мной приключится какая-нибудь беда, если я, например, внезапно исчезну и не вернусь домой до утра, то ты должен взять бумаги из моего ящика и бросить их в Львиную пасть. Если же тебя потом будут о чем-либо допрашивать, то расскажи все как было.

– Но мне никогда не поверят, синьор Франциск, – сказал Джузеппе.

– Поверят, потому что все, что ты скажешь им, будет только подтверждением изложенного мною в отчете. Я уверен, впрочем, что мы ничего больше не услышим об этом приключении.

– Отчего же вы не хотите теперь же донести обо всем случившемся, только скрыв свое имя? – спросил Джузеппе. – Тогда они могли бы застигнуть заговорщиков на месте и сами убедились бы, что вы написали правду.

– Я уже думал об этом, Джузеппе, но в тайном доносе такого рода кроется всегда что-то изменническое. Эти люди не сделали мне никакого зла, и мне, как иностранцу, вовсе не следовало бы вмешиваться в их политические замыслы. Мне было бы очень прискорбно сознавать, что по моей вине двенадцать человек будут заточены в тюрьму или даже осуждены на смерть.

– Очень жаль, что вы вообще вмешались в это дело, синьор.

– Да, пожалуй, ты прав, Джузеппе, но я никогда не думал, что тут затевается такое серьезное дело; конечно, я очень раскаиваюсь теперь, что ездил на остров. Может быть, настанет день, когда мы еще услышим о последствиях этого заговора, в особенности если цель заговора состояла в том, чтобы образовать партию противников войны Венеции с Падуей и Генуей.

В течение нескольких последующих дней Франциск удерживался от своих ночных прогулок в гондоле. Трудно было предположить, чтобы незнакомец мог узнать его или Джузеппе, если бы они повстречались с ним, но предосторожность никогда не мешает, и теперь Франциск, предпринимая поездку, садился в гондолу на подушки, а веслами правил Джузеппе, полагая этим ввести в заблуждение своего пассажира, который стал бы искать четырехвесельную гондолу.

Действительно, спустя неделю Джузеппе узнал, что кто-то навел справки о гондоле, принадлежащей двум братьям гондольерам Джованни и Беппо, и что справлявшийся о них человек предлагал пять дукатов тому, кто сообщит ему какие-нибудь сведения о них. Но никто

не мог дать удовлетворительного ответа, так как в списке гондольеров, которым разрешалось возить пассажиров за плату, таких двух братьев не было.

Однажды вечером Франциск вместе с Маттео слонялся по Пьяцце и оставался там дольше обыкновенного. Затем Франциск уселся в свою гондолу и на вопрос Джузеппе о том, куда направить путь, отвечал, что ему хотелось бы еще прокатиться по Большому каналу, так как было очень душно. Луна в эту ночь не светила, так что кругом царил темнота, и большинство гондол освещались факелами. В то время, когда их гондола тихо скользила по каналу, вдруг мимо них пронеслась четырехвесельная гондола на таком близком расстоянии, что Франциск при свете горевшего факела признал в сидевших в ней дамах Марию и Джулию Полани с их гувернанткой. Сзади них сидели двое вооруженных слуг. Франциск подумал, что они, по всей вероятности, возвращаются домой после проведенного вечера в гостях. Когда гондола Полани опередила их уже на значительное расстояние, Франциск вдруг услышал возгласы: «Берегись, смотри, куда едешь!» Потом раздался ужасный треск, как бы от столкновения двух гондол, а вслед за тем крики о помощи и, как показалось Франциску, даже бряцание обнаженных мечей.

– Скорей, скорей, Джузеппе! – вскричал он, вскочив со своего места и схватив в руки другое весло. – Дочерям Полани угрожает опасность!

Сильными и быстрыми ударами весел направили они лодку к месту происшествия. Было очевидно, что здесь совершалось нападение на лодку Полани. Рядом с их гондолой стояла четырехвесельная гондола, и гондольеры с веслами в руках, а слуги с обнаженными мечами отчаянно отбивались от каких-то вооруженных людей.

Один из слуг Полани лежал уже на дне лодки, сраженный ударом сабли, тогда как один из гондольеров был сброшен с лодки ударом весла. Обе молодые девушки стояли в полном отчаянии, громко взывая о помощи.

– Скорее, спасайтесь в мою лодку! – вскричал Франциск и, перегнувшись через борт, стал перетаскивать одну за другой обеих девушек в свою лодку; как раз в это время был убит их последний защитник.

С яростными криками и проклятиями предводитель нападавших готовился уже вскочить в гондолу Франциска, но тот, быстро схватив весло, ударил его с такой силой по голове, что тот упал в воду.

Раздались крики ужаса; Франциск изо всех сил приналег вдвоем с Джузеппе на весла, и их гондола как птица помчалась по каналу.

– Успокойтесь, прошу вас! – обратился Франциск к молодым девушкам. – Теперь нам нечего опасаться преследования: они заняты спасением человека, которого я сбросил в канал, и мы пока в полной безопасности.

– Но как же наша бедная синьора? Что же с ней будет? – сказала старшая из молодых девушек, уже несколько оправившись от испуга.

– Будьте спокойны; ей не причинят никакого вреда, – сказал Франциск, – очевидно, они покушались похитить вас, а так как им это не удалось, то синьору они оставят в покое. Она, кажется, совсем растерялась от испуга; в то время как я переносил вас в свою лодку, она с такой силой вцепилась в ваше платье, что наверняка у нее остались в руках клочья материи.

– Вы знаете, куда нас везти? Я вижу, впрочем, что вы направляетесь к нашему дому, – с удивлением заметила молодая девушка.

– Да, к дворцу Полани, – отвечал Франциск. – Я имею честь быть другом вашего двоюродного брата, Маттео Джустиниани, который назвал мне ваши имена, когда мы однажды вместе с ним случайно встретили вас.

– Вы – друг Маттео! – удивленно повторила молодая девушка. – Простите меня, синьор, но я приняла вас за простых гондольеров, случайно проезжавших мимо; было так темно, что

я не могла вас разглядеть. Так редко случается видеть, чтобы веслами работал не простой гондольер.

– Я – англичанин, синьора, а так как англичане любят вообще всякие физические упражнения, то в вечернюю пору, когда меня никто не видит, я часто гребу сам.

– Благодарю вас от всего сердца за услугу, которую вы оказали мне и моей сестре! Я даже не могу ясно представить себе, что с нами случилось; мне и теперь все это кажется каким-то сном. Мы не спеша возвращались к своему дому; вдруг из бокового канала показалась большая гондола, наскочила прямо на нашу гондолу и чуть-чуть не опрокинула нас. Наш гондольер крикнул, чтобы предостеречь встречную гондолу, но тут какие-то люди вскочили на борт, и произошла ужасная стычка. Беппо был сброшен через борт, и я видела, как упал старый Николини; и вот как раз в ту минуту, когда я думала, что мы уже погибли, подъехали вы и перенесли нас в свою лодку прежде, чем я успела опомниться.

– Я, может быть, напугал вас резкостью своего обращения, синьора, но тут, знаете, было не до церемоний. А вот и ваше палаццо.

Лодка причалила к ступеням набережной. Франциск выскочил на берег и позвонил у входных дверей. Двери открылись, и двое слуг явились с зажженными факелами в руках.

– Я позволю себе зайти к вам завтра, чтобы узнать о вашем здоровье после такого ужасного приключения, синьорина.

– Нет, нет, – отвечала младшая девушка, – вы должны сейчас же пройти вместе с нами к нашему отцу. Мы расскажем ему все, что с нами приключилось, и он никогда не простит нам, если мы позволим вам удалиться, лишив его возможности лично выразить свою благодарность за оказанную нам услугу.

Франциск низко поклонился и последовал за девушками вверх по лестнице. Они вошли в большую, великолепно убранную комнату, в которой сидел представительный мужчина, занятый чтением.

– Что с вами случилось? – спросил он, идя им навстречу. – Отчего вы так взволнованы? Где синьора Кастальди? И кто этот молодой человек?

– Представь себе, отец, на нас напали какие-то люди, когда мы возвращались домой! – воскликнули обе девушки разом.

– Напали! – повторил синьор Полани. – Да кто же мог решиться на такой дерзкий поступок?

– Мы сами этого не знаем, отец, – отвечала Мария, – какая-то большая гондола внезапно налетела на нас. Мы думали, что это случилось нечаянно, как вдруг несколько человек с обнаженными мечами в руках вскочили на борт нашей гондолы. Тогда наши слуги обнажили мечи, чтобы защитить нас, а Беппо и Джакомо храбро отбивались веслами; Беппо был сброшен в воду, а Николини и Франций убиты. Казалось, еще одна минута – и мы будем схвачены, но как раз в это время подъехал к нам этот молодой человек и перенес нас в свою гондолу. Мы были так озадачены и перепуганы, что не понимали, что с нами творится. Один из нападавших, по-видимому, предводитель их, пытался вскочить в нашу гондолу, но этот синьор ударил его веслом по голове с такой силой, что тот упал в воду, а затем мы стали быстро удаляться от них, и больше они уже не преследовали нас.

– Какая неслыханная дерзость! Я обращусь в Совет за правосудием. Вы, молодой человек, оказали мне такую услугу, которую я никогда не забуду. Вы спасли моих дочерей от величайшего несчастья. Позвольте же мне узнать имя того, кому я столь многим обязан.

– Мое имя – Франциск Гаммонд; мой отец английский купец, поселившийся здесь уже несколько лет назад.

– Как же! Я слышал о вашем отце, – сказал Полани, – и надеюсь ближе познакомиться с ним. А где же синьора Кастальди? – обратился он к дочерям.

– Она осталась там, в нашей гондоле; она так испугалась, что не могла двинуться с места.

Синьор Полани позвал слугу.

– Велите сейчас же снарядить гондолу; шестеро из вас, взяв с собою оружие, должны отправиться на поиски нашей лодки; пошлите кого-нибудь за лекарем, так как там есть раненые очень серьезно и даже убитые.

Однако, прежде еще, чем успели выполнить это приказание, к ступеням палатки подплыла гондола, управляемая оставшимся в живых гондольером. Сначала вышла с помощью слуг синьора, громко рыдавшая, а затем вынули тела двух слуг. Один был уже мертв, а другой скончался вскоре после того, как его вынесли на берег.

– Не заметила ли ты, Мария, или ты, Джулия, каких-нибудь особых примет на гондоле, в которой находились нападавшие?

– Нет, отец, никаких знаков и никакого герба я на ней не заметила. Впрочем, я так была перепугана, что ничего не могла разглядеть.

– Насколько я мог заметить, это была самая обыкновенная гондола, обитая черным сукном, – прибавил Франциск.

– Скажите, молодой человек, каким образом вы-то вмешались в эту стычку? Немногие из наших молодых людей решились бы на это, очень хорошо сознавая, как опасно вмешиваться в чужие ссоры.

– Я счел бы, во всяком случае, своей обязанностью явиться на помощь, услышав крики женщин, но я узнал синьорин, когда они проезжали мимо меня в гондоле, так как мне на них указал мой друг Маттео Джустиниани. А теперь, синьор, если позволите, я прощусь с вами, – сказал Франциск, – становится поздно, и синьоринам необходим отдых после всего испытанного.

– Я увижусь с вами завтра же, сударь. Утром я буду иметь честь посетить вашего отца.

– Верно, это судьба наша такая, что с нами постоянно случаются приключения, Джузеппе, – сказал Франциск, садясь в гондолу.

– Да, и этим, пожалуй, еще не кончились наши приключения, синьор Франциск. Многие узнают о вашем участии в этом деле, и я думаю, что было бы благоразумнее прекратить на время наши вечерние прогулки, а то еще попадем в худшую беду.

– Нет, я не согласен, Джузеппе. Мы ездим без зажженных факелов, так что встречные могут и не узнать нас. В темноте все гондолы похожи одна на другую, и, сколько бы у меня ни явилось врагов, я все-таки не побоюсь кататься по каналам.

На другое утро за завтраком Франциск рассказал своему отцу о случившемся накануне.

– Очень неблагоразумно вмешиваться в ссоры, которые тебя вовсе не касаются, – сказал на это мистер Гаммонд, – на этот раз, однако, твое участие в этом происшествии может даже принести тебе пользу. Синьор Полани один из самых влиятельных купцов в Венеции; его имя известно повсюду на Востоке, и дружба с таким человеком может быть чрезвычайно выгодна и для меня самого. Но, с другой стороны, благодаря тому, что ты помешал выполнить какому-то сумасбродному молодому дворянину его дерзкое намерение, ты, вероятно, нажил себе врага, а для тех, кто имеет врагов среди влиятельных лиц, пребывание в Венеции становится уже небезопасным; как бы то ни было, но тебе следует обуздать свою страсть к приключениям. Ты сын не графа или барона, и добиваться чести и славы с помощью оружия тебе вовсе не подобает. Купец города Лондона должен добиться известности не этим, а честностью и трудолюбием. Уже давно пора отправить тебя на родину, где ты займешь место в конторе и будешь находиться под присмотром моего компаньона; это будет лучше для тебя самого.

Франциск и не подумал, конечно, возражать своему отцу, но сердце его сжалось при мысли, что ему после привольной жизни в Венеции придется засесть в конторе в Лондоне. Вообще ему, как многим пылким юношам, более улыбалась жизнь, полная приключений, на военном ли или ином поприще, нежели однообразная жизнь лондонского купца.

В это же утро у ворот, выходящих на канал, раздался сильный звонок, и минуту спустя явился слуга с докладом, что внизу находится синьор Полани и просит свидания. Мистер Гаммонд тотчас же поспешил навстречу гостю, которого он с изысканной любезностью провел в дом.

– Вы, конечно, уже слышали обо мне, синьор Гаммонд, как и я имел удовольствие слышать о вас, – сказал венецианец, после того как они обменялись приветствиями. – Ваш сын рассказал вам, вероятно, какую неоценимую услугу он оказал мне вчера, спасши моих дочерей или, вернее, мою старшую дочь, – так как, очевидно, именно на нее покушались злодеи, – от похищения, которое хотел учинить один из самых безнравственных молодых людей нашего города.

– Мне очень приятно, синьор Полани, что мой сын мог быть вам полезен, – отвечал мистер Гаммонд. – Признаюсь вам, что я частенько раскаивался в том, что предоставлял ему много свободы и позволял ему тратить время на военные упражнения, более полезные сыну благородного воина, нежели миролюбивого купца; но ловкость и смелость, которые он выработал в военной школе, очень пригодились ему вчера, так что я несколько не жалею о времени, потраченном им в школе фехтования.

– Мне кажется, синьор, что умение владеть оружием может всегда пригодиться в наше время как миролюбивому гражданину, так и добивающемуся славы на военном поприще. Нам, купцам, пришлось бы совсем бросить наше занятие торговлей, если бы мы не умели при случае защищать наши суда от нападений морских разбойников. Кроме того, всякий гражданин обязан защищать свою родину от нападения врагов. Наконец, у человека, который хотя скольконибудь выделяется из толпы, всегда найдутся личные враги, с которыми приходится считаться. Здесь, в Венеции, мы все воины и моряки, и вашему сыну не только не повредит, но, скорее, будет полезно его умение владеть мечом и кинжалом. Вот и теперь, – прибавил он, улыбаясь, – у нас налицо доказательство моего мнения. Вовсе не желая хвастаться, скажу вам, мистер Гаммонд, что Николай Полани, когда представится случай, может быть полезен своим друзьям, в числе которых он отныне будет считать вашего храброго сына и, если позволите, и вас самих. Теперь, однако, я принужден покинуть вас, так как должен спешить в Совет для подачи своей жалобы. Я убедительно буду просить вас позволить вашему сыну пойти со мной, чтобы он мог изложить перед Советом все, что ему известно по этому делу.

– Это его прямая обязанность, но сознаюсь вам, что вся эта история немало тревожит меня. Мы очень хорошо знаем, как опасно иметь врагов в Венеции, так как никакие связи не могут спасти человека от удара кинжалом из-за угла.

Немного времени спустя Франциск сидел рядом с Полани в его гондоле.

– Сколько вам лет, друг мой? – спросил его негоциант, когда лодка пересекала лабиринты бесчисленных венецианских каналов.

– Мне недавно минуло шестнадцать лет, синьор.

– Еще только шестнадцать! – воскликнул удивленно Полани. – Я считал вас, по крайней мере, двумя годами старше. Я только что был в палаццо Джустиниани, и мой молодой родственник, Маттео, сказал мне, что в школе фехтования ни один из наших знатных молодых людей не может сравниться с вами в искусстве владеть рапирой.

– Я боюсь только, – скромно отвечал Франциск, – что я на эти военные упражнения тратил времени больше, чем следовало бы мне как сыну купца.

– О нет, – отвечал венецианец. – Нам, купцам, тоже приходится отстаивать свои права и свою свободу, защищать наши товары и корабли, точно так же, как дворяне защищают свои дворянские права и свои замки. Сколько раз мне приходилось самому защищать свои корабли от нападения морских разбойников, генуэзцев и других врагов. Я сражался с греками; не раз имел стычки на улицах Константинополя, Александрии и в других портах, даже служил на правительственных галерах. Все торговые люди должны стоять на стороне мира, но вместе

с тем они должны быть всегда наготове защищать свое достояние. Однако мы добрались до Пьяцетты.

Близ пристани стояла группа дворян. Синьор Полани тотчас же направился к ним и представил им Франциска как человека, который оказал такую большую услугу его дочерям. Все выражали ему свою признательность и поздравляли его.

– Вы подождете меня у входа? – обратился к нему синьор Полани. – А, вот я вижу Маттео, который идет сюда со своим отцом. У вас, наверное, найдется, о чем поговорить с ним, пока я буду в Совете.

Все направились ко входу в Совет, а Маттео поспешил к своему другу, приветствуя его словами:

– Ну, Франциск, поздравляю тебя от всей души, хотя и очень завидую тебе. Я пришел в восторг, когда услышал, как ты подлетел в своей гондоле, чтобы выручить моих кузин из когтей этого злодея Руджиеро Мочениго.

– Ты наверно знаешь, что это был Руджиеро?

– О, в этом нет никакого сомнения. Ты помнишь, что он просил руки Марии Полани, и, когда ему было отказано, он поклялся отомстить. А ты знаешь его характер: он способен на всякое низкое дело; кроме того, говорят, он проигрался в карты в Константинополе и теперь попал в лапы ростовщиков. Если бы ему удалось похитить Марию, то он сделался бы обладателем одной из богатейших наследниц в Венеции. Да тут и тени сомнения не может быть. Уж теперь я больше не буду восставать против твоих скитаний в гондоле, так как твое умение грести привело к тому, что тебе удалось оказать такую громадную услугу Полани. Могу уверить тебя, что нашлось бы немало молодых людей в Венеции, которые согласились бы пожертвовать весьма многим, чтобы совершить то, что совершил ты.

– Я очень желал бы знать наверное, был ли это действительно Руджиеро, которого я сбросил в воду, и жив ли он еще или нет. Ты знаешь, у него очень большие связи, Маттео, и если я приобрел себе новых друзей, то нажил также и непримиримых врагов благодаря этому приключению.

– Это правда, – согласился Маттео. – Ради твоей же безопасности я, конечно, желал бы, чтобы Руджиеро был теперь на дне канала. Никто его не любит, и хотя его приятели открыто взяли бы его сторону, но в душе они были бы отчасти довольны тем, что отделались от такого беспокойного товарища. Но если его слуги спасли его и привели в чувство, то советую тебе держать ухо востро, так как меньше всего желательно было бы иметь своим врагом Руджиеро. Во всяком случае, будем надеяться на лучшее и желать, чтобы нам не пришлось больше услышать о его существовании.

– Я не знаю, право, чего лучше желать, – мрачно проговорил Франциск. – Конечно, он будет опаснейшим врагом, если он жив, а с другой стороны, меня будет постоянно угнетать мысль, что я его убил.

– Будь я на твоём месте, я бы не тревожился об этом, – беспечно сказал Маттео. – Если бы ты не убил его, то, поверь, он убил бы тебя.

– Нет, я воспитан в иных понятиях, Маттео. Моему отцу ненавистны всякие насильственные действия за исключением, разумеется, войны в защиту своего отечества, и хотя он прямо не осуждал меня за мое участие в этом происшествии, но я вижу, что это его беспокоит и он серьезно поговаривает о том, чтобы отправить меня обратно в Англию.

– Да неужели? – печально спросил Маттео. – До сих пор мы были большими друзьями, Франциск, но я надеюсь, что в будущем мы еще больше подружимся. Все друзья Полани будут считать тебя своим близким человеком, и я, идя сюда, подумывал, что, может быть, через несколько лет мы вместе могли бы поступить на государственную службу и получить место на военной галере.

– Мой отец пришел бы в ужас от подобной мысли, Маттео, хотя я лично не желал бы для себя лучшего. Но этому не бывать никогда. Признаюсь, мне очень жаль будет покинуть Венецию. Но вот к нам идет один из служащих Совета.

Служащий подошел к ним и, спросив, кто из них Франциск Гаммонд, пригласил его следовать за собой.

Глава IV

Похищение

Не без чувства смущения и даже невольного страха следовал Франциск Гаммонд за своим проводником в залу Совета. Это была большая и великолепно украшенная комната. Кругом по стенам висели громадные картины, изображавшие различные сцены из войн Венеции, потолки тоже были расписаны. Карнизы были позолоченные, а над окнами и дверями спускались дорогие занавеси из затканых материй.

За столом подковообразной формы заседало десять членов Совета, все в ярко-красных одеяниях с горностаевой отделкой – отличительной одежде венецианских сенаторов. Председателем был дож, сидевший за тем же столом. На голове у каждого была надета черная бархатная плоская шапочка. Синьор Полани и его друзья сидели в креслах против стола. В то время, когда в зал вошел Франциск, давал свои показания гондольер. Когда он кончил, ему задали еще несколько вопросов, а затем велели удалиться. Тогда пристав вывел вперед Франциска.

– Мое имя Франциск Гаммонд, – сказал он в ответ на заданный ему вопрос.

– Расскажите нам, что вам известно по настоящему делу, – обратился к нему дож.

Франциск описал сцену нападения на гондолу.

– Как это случилось, что вы, такой молодой человек и притом еще иностранец, вмешались в такого рода приключение? – спросил его один из членов.

– Я услышал крики женщин, призывавших на помощь, и, разумеется, счел своим долгом поспешить к ним, – отвечал он спокойным тоном.

– А вы знали, кто были эти дамы?

– Я знал их в лицо. Мне случайно однажды указал на них мой приятель Маттео Джустиниани, сказав, что это дочери синьора Полани. И когда незадолго до происшествия они проезжали мимо меня в гондоле, то я при свете факелов узнал их.

– Могли ли бы вы узнать кого-либо из нападавших, если бы опять увидели их?

– Нет, не мог бы, потому что они все были в масках, – отвечал Франциск.

– Вы говорите, что ударом весла по голове свалили одного из участников в то время, когда он собирался перескочить в вашу гондолу. Как случилось, что весло было в руках у вас, а не у вашего гондольера?

– Я сам умею грести, – отвечал Франциск. – У нас в Лондоне все молодые люди гребут ради своего удовольствия и очень любят это занятие. В тот вечер, однако, когда синьорины проезжали мимо меня, я не греб, но схватил весло, когда услышал их крики, чтобы скорее доехать до места происшествия. Вот почему весло оказалось в моих руках, когда незнакомец намеревался перескочить в нашу гондолу.

– Итак, у вас не имеется никаких данных, чтобы подозревать кого-либо как зачинщика этого нападения?

– Нет, никаких, – отвечал Франциск. – Ни в их гондоле, ни в одежде нападавших я не заметил никаких особенных примет.

– Во всяком случае, молодой человек, – обратился к нему дож, – вы проявили такую стремительность, такое присутствие духа и храбрость, которые присущи только людям уже более зрелого возраста, и я от имени Республики благодарю вас за то, что своим вмешательством вы предупредили тяжкое преступление. Я попрошу вас остаться еще некоторое время здесь. Возможно, что, когда предстанет перед нами лицо, обвиняемое в этом преступлении, вы узнаете его.

Какое-то странное чувство овладело Франциском, когда, спустя минуту или две, пристав объявил о приходе Руджиеро Мочениго.

– Введите его, – сказал дож.

Занавесь у дверей раздвинулась, и в зал с надменным видом вошел Руджиеро. Он поклонился членам Совета и остановился, как бы выжидая, чтобы его начали допрашивать.

– Вы, Руджиеро Мочениго, обвиняетесь, – сказал дож, – в том, что принимали участие в покушении похитить дочерей синьора Полани и в убийстве трех слуг этого господина.

– Какие же имеются основания для такого обвинения? – спросил Руджиеро высокомерным тоном.

– Одним из оснований служит то обстоятельство, что вам было отказано в руке старшей дочери и что вы, получив отказ, угрожали отомстить ее отцу, у которого, насколько ему известно, нет других врагов, кроме вас.

– Это слишком шаткие основания для столь тяжкого обвинения, – сказал Руджиеро презрительно.

– Но не забывайте, – обратился к нему дож, – что ваше прошлое поведение уже может служить достаточным основанием к тому, чтобы подозрение пало на вас. Вы уже были однажды высланы из Венеции за убийство, и полученные нами отзывы о вашем поведении во время пребывания вашего в Константинополе говорят далеко не в вашу пользу.

– Во всяком случае, – отвечал Руджиеро, – мне очень легко будет доказать, что я не принимал никакого участия в похищении дочерей синьора Полани прошлой ночью, так как именно этот вечер я провел у себя с моими друзьями, играя с ними до трех часов утра в карты.

– Кто же именно из ваших друзей был у вас в этот вечер?

Руджиеро назвал имена шестерых молодых людей, родственников его семьи, которым тотчас же разослали приказание явиться немедленно в Совет.

– А пока, Франциск Гаммонд, скажите нам, узнаете ли вы в обвиняемом одного из нападавших прошлой ночью лиц?

– Нет, не узнаю, ваша светлость, – отвечал Франциск. – Могу сказать наверное, что этот господин не был жоаком, которого я ударил веслом по голове. Удар пришелся ему как раз в висок, так что на голове должен был бы остаться след от удара.

В то время, пока Франциск давал это показание, Руджиеро смотрел на него враждебным взором, несмотря на то что его показание служило в пользу Руджиеро. Этот полный ненависти взгляд невольно заставил вздрогнуть Франциска, когда он, окончив свое показание, удалился опять на свое место позади синьора Полани.

Около четверти часа царило молчание. Обыкновенно члены Совета во время заседаний переговаривались тихими голосами друг с другом, но теперь никто не проронил ни одного слова до появления первого из приглашенных в Совет молодых людей. Молодые люди по очереди давали свои показания, и все единогласно подтвердили, что они провели вечер вместе с Руджиеро и что он не покидал своей комнаты начиная с момента его прихода вместе с ними домой до времени их ухода от него, когда уже было два часа ночи.

– Вы выслушали показания моих свидетелей, – сказал Руджиеро, – и я позволю себе спросить вас, господа члены Совета, справедливо ли подвергать молодого человека из хорошего круга общества такому позорному обвинению, основываясь только на одном подозрении?

– Вы выслушали показания, данные свидетелями, синьор Полани, – обратился к этому последнему дож, – не отказываетесь ли вы теперь от обвинения синьора Мочениго?

– Хотя Руджиеро Мочениго доказал, – отвечал, вставая, Полани, – что не принимал личного участия в деле, но я позволю себе заметить, что это еще вовсе не может служить доказательством того, что он не был зачинщиком этого покушения. Он хорошо понимал, что первое мое подозрение должно было пасть именно на него, и потому, конечно, принял все меры, чтобы это дело было выполнено другими; он принял свои предосторожности, чтобы иметь возможность доказать, – и это ему удалось, – что он лично не присутствовал при совершении нападения.

После краткого совещания членов Совета между собой дож объявил:

– Все присутствующие должны удалиться отсюда, пока Совет займется обсуждением дела. О решении нашем заинтересованные в деле лица будут извещены своевременно.

Выйдя из Совета, синьор Полани и его друзья пошли через Пьяццу, толкая о происшедшем на суде.

– Он еще выпутается, – сказал Полани, – у него есть близкие родственники в Совете, а кроме того, хотя на него падает сильное подозрение, но не имеется прямых доказательств для обвинения. Впрочем, пока не стоит больше толковать об этом. Пойдемте, синьор Франциск, ко мне. Вчера, когда вы были у нас, мои дочери были слишком взволнованы, чтобы отблагодарить вас за оказанную им услугу. Маттео, пойдемте вместе с нами.

Прошло уже три дня, и Совет еще не сообщал о своем решении, когда однажды рано утром Франциск получил приказание явиться в Совет.

«Уж не везут ли меня в тюрьму», – подумал про себя Франциск, сидя вместе со своим провожатым в гондоле.

Они миновали Пьяцетту, не останавливаясь, свернули в канал по направлению к тюрьмам и вскоре причалили к воротам близ моста Вздохов. Франциск вместе со своим проводником вышел на берег. Пройдя два или три коридора, они подошли наконец к дверям, у которых стояла стража. Спутник Франциска сказал какое-то слово, и дверь перед ними отворилась. Комната, в которую они вошли, была со сводами и без всякой мебели; в одном углу ее Франциск заметил небольшое каменное возвышение, на котором лежало что-то, покрытое черным сукном. Тут же находились четыре члена Совета, а несколько поодаль от них стоял Полани, по другую же сторону Франциск увидел Руджиеро с двумя своими товарищами.

– Мы послали за вами, Франциск Гаммонд, – обратился к нему один из членов Совета, – рассчитывая, что вы, может быть, признаете труп, найденный вчера ночью в Большом канале.

Один из служащих выступил вперед и снял покрывало, которым был прикрыт труп еще молодого на вид человека. На левом виске его была рассеченная рана.

– Узнаете ли вы этого человека?

– В лицо я его не знаю – я раньше никогда не встречал его, – отвечал Франциск.

– Полагаете ли вы, что рана, которую вы видите, могла быть причинена ударом вашего весла?

– Этого я не могу сказать достоверно, – отвечал Франциск, – но знаю, что ударил именно в это место человека, который хотел вскочить в мою гондолу.

– На первом допросе вы показали, что нанесли удар именно по левому виску.

– Да, насколько помню, это было так. Я сказал также, что это не мог быть Руджиеро Мочениго, так как, если бы это был он, то, наверное, у него должны были бы остаться следы на голове.

– Не видите ли вы каких-либо особых примет на платье убитого, по которым вы могли бы признать в нем нападавшего?

– Нападавший был одет в точно такое же черное платье. Был, впрочем, еще один отличительный признак: при свете факела мне бросилась в глаза рукоятка его кинжала, которая, как мне показалось, была украшена драгоценными камнями; положительно я этого, однако, утверждать не могу.

– Подайте сюда кинжал, найденный на трупе, – сказал один из членов Совета приставу.

Пристав подал кинжал.

– Тот ли это кинжал, о котором вы говорите? – спросил сенатор Франциска.

– Я не могу утверждать, что это именно тот кинжал, который я видел, – отвечал Франциск, – во всяком случае, он очень схож с ним.

– Итак, вы видели рану на виске и кинжал, найденный на поясе убитого. Установлено, что труп находился в воде в течение лишь нескольких дней; следовательно, вы не сомневаетесь в том, что это и был тот человек, которого вы во время борьбы ударом весла сбили в воду?

– Нет, синьор, я нисколько не сомневаюсь в этом.

– Этого довольно, – сказал член Совета. – Вы можете удалиться.

Франциска провели к гондоле и доставили его домой. Час спустя прибыл туда и синьор Полани.

– Ну, дело окончено, – сказал он, – но не с благоприятным для меня результатом, так как присужденное Руджиеро наказание совершенно несоразмерно с нанесенным им оскорблением; хорошо, разумеется уже и то, что Мочениго все-таки не избегнет наказания. Я должен вам сказать, что в найденном трупе признали двоюродного брата Руджиеро Мочениго; они были неразлучны друг с другом с тех пор, как Руджиеро вернулся из Константинополя. После допросов, произведенных в доме отца убитого молодого человека, открылось, что в день нападения он вечером ушел из дома, сказав, что отправляется на материк и возвратится лишь через несколько дней. Затем, как вы уже знаете, найден был его труп. Руджиеро доказывал, что он ни при чем в этом деле и что покушение на мою дочь было совершено его двоюродным братом без его ведома. Тогда призвали мою дочь Марию, которая показала, что она даже никогда прежде не видела этого молодого человека. Большинство членов во время совещания Совета пришло к убеждению, что убитый молодой человек действовал по подстрекательству Руджиеро. Затем председатель объявил: «Хотя соучастие Руджиеро Мочениго и не доказано, тем не менее, однако, принимая во внимание его домогательство руки дочери синьора Полани, его угрозы после отказа в ее руке, прошлое поведение и его тесную дружбу с двоюродным братом, Совет не сомневается, что покушение было совершено по подстрекательству Руджиеро Мочениго, и потому приговаривает его к трехгодичному изгнанию из Венеции и окружающих островов».

– Я был бы более доволен, если бы его выслали опять в Константинополь, – сказал мистер Гаммонд. – Если ему позволят жить на материке, то он поселится не более как на расстоянии двух-трех миль отсюда, а такое близкое соседство не может быть очень приятным для тех, кто навлек на себя его ненависть.

– Вы совершенно правы, – согласился синьор Полани, – и я, и все мои друзья негодуют на то, что его не сослали подальше отсюда. Теперь я запретил своим дочерям оставаться вне дома по вечерам, когда становится темно. Нельзя же предположить, чтобы Руджиеро решился силой ворваться в мой дом, хотя от этого человека можно всего ожидать.

– Я тоже запретил моему сыну ни под каким видом не выходить ночью на улицу. Но я до тех пор не буду за него спокоен, пока не отправлю его обратно в Англию при первой удобной okazji.

– Надеюсь, что такой okazji не представится в скором времени, синьор Гаммонд. Мне было бы очень жаль расставаться с вашим сыном после такого кратковременного знакомства. Впрочем, мы еще потолкуем с вами об этом. Может быть, мы найдем какой-нибудь другой способ, чтобы обеспечить его безопасность.

В течение следовавших за этим двух недель Франциск проводил большую часть своего времени во дворце синьора Полани, который радушно приглашал его бывать как можно чаще в его доме. Обыкновенно, когда приходили Франциск и Маттео Джустиниани, молодежь, сидя на балконе, проводила время в веселых беседах; часто приходил и сам Полани; тут же в сторонке с недовольным видом присутствовала синьора Кастальди, видимо относившаяся с полным неодобрением к смеху и веселью молодых людей. После обеда обыкновенно все общество отправлялось кататься в четырехвесельной гондоле и возвращалось домой при приближении вечерней темноты.

– Мне вовсе не нравится эта госпожа Кастальди, – сказал однажды Франциск Маттео в то время, когда Джузеппе вез их из палатцо Полани домой.

Маттео улыбнулся.

– Я тебе даже прямо скажу, что просто ненавижу ее и уверен в том, что и она меня тоже недолюбливает. Она следит за мной, как кошка за мышью, – продолжал Франциск.

– Может быть, она не может простить тебе того, что ты, спасая ее воспитанниц, бросил ее на произвол судьбы.

– Этого я не знаю, Маттео, но признаюсь, что ее поведение показалось мне тогда очень подозрительным.

– Уж не думаешь ли ты, что она желала, чтобы нападающим удалось похитить Марию?

– Я никакого права не имею этого утверждать, Маттео, и, конечно, никому об этом не сказал бы ни полслова, но мне сдается, что это было именно так. Мне уже приходило в голову, что у Руджиеро был какой-нибудь соучастник из дома Полани, потому что иначе откуда мог бы он узнать точное время, когда синьорины будут проезжать по Большому каналу.

– Да, все это очень странно, Франциск, но мне как-то не верится, чтобы эта женщина была такой коварной. Она уже много лет у них в доме, и синьор Полани вполне доверяет ей!

– Это так, но Руджиеро мог ее подкупить.

– Ах да, вот еще что! Когда ты заговорил об этом, Франциск, то знаешь, что я вспомнил? Недавно я вздумал подсмеяться над Марией насчет их криков о помощи и сказал: «Воображаю, что за шум вы подняли, когда принялись кричать втроем!» На это Мария ответила: «Как втроем! Мы только вдвоем с Джулией кричали изо всей мочи, а синьора Кастальди сидела спокойно и выказала такую храбрость, что не издала даже ни одного звука».

– Вот видишь! Я надеюсь, что, когда мне придется покинуть Венецию, ты будешь по возможности зорко следить за ней.

– Я не знаю только, как мне приступить к этому делу, – отвечал, смеясь, Маттео, – во всяком случае, я скажу своим двоюродным сестрам, что Кастальди нам очень не нравится, и посоветую, чтобы они не доверяли ей.

– Ну хорошо. А вот мы уже у нашего дома. Мы еще потолкуем с тобой об этом деле как-нибудь. Повторяю тебе, я убежден, что эта Кастальди – нехорошая женщина; и я надеюсь, что нам удастся и доказать это. Завтра мы увидимся с тобой, а до этого нам необходимо решить, следует ли кому-нибудь говорить о наших подозрениях.

В эту ночь Франциск долго не мог заснуть, все время обдумывая, как ему поступить насчет Кастальди. Наконец он решил, что на другой же день переговорит обо всем с синьором Полани, рискуя, что, высказав свои подозрения об особе, которая в течение многих лет пользовалась доверием в семействе, он может огорчить Полани. На другое утро Франциск отправился к Полани.

– Ах, Франциск, – встретил его Полани, – разве вы забыли, что сегодня мои дочери на целый день уехали из дому?

– Нет, синьор, я не забыл, но мне хотелось бы переговорить именно наедине с вами об одном деле. Может быть, вы будете смеяться надо мной, но надеюсь, что вы не посетуете на мое вмешательство в ваши домашние дела, если я затрону один вопрос, близко вас касающийся? Я хочу говорить с вами о синьоре Кастальди, компаньонке ваших дочерей. Я знаю, что вы питаете к этой особе полное доверие, которое она в ваших глазах заслужила своими попечениями о них в течение уже нескольких лет, но я все-таки считаю своим долгом поделиться с вами моими наблюдениями и подозрениями насчет этой особы.

Затем Франциск рассказал о всех известных ему фактах и также и про то, что сообщил ему Маттео.

– Может быть, во всем том, что я вам сейчас передал, и нет ничего подозрительного, – закончил он свои объяснения, – но прошу вас верить, что если я позволил себе выказать мои подозрения, то к этому побудило меня единственно мое участие к вашим дочерям.

– О, в этом я несколько не сомневаюсь, – сказал Полани, – но мне кажется, что все это несколько преувеличено. Имейте в виду, что синьора Кастальди уже десять лет находится в моем доме и что ее воспитанием моих дочерей, а также и ее заботами о них я очень доволен. Конечно, и у нее найдутся недостатки, но совершенства на свете нет, и я отнюдь не сомневаюсь в ее верности и преданности нашему семейству. Разумеется, она была не совсем права, что позволила тогда моим дочерям оставаться у знакомых дольше обыкновенного, но сделала она это по доброте сердечной, видя, что молодые девушки так веселятся; а если она не кричала, когда на них напали, то это доказывает только, что не все женщины ведут себя одинаково в случаях опасности. Тем не менее, Франциск, я от души благодарю вас за все, что вы мне передали, и хотя остаюсь при своем мнении, но все-таки приму к сведению то, что вы высказали мне.

Вечером, когда Франциск в своей гондоле направлялся, по обыкновению, к дворцу Полани, его нагнала гондола, в которой сидел Маттео. Поравнявшись с лодкой Франциска, Маттео быстрым прыжком вскочил в его гондолу. Он казался таким взволнованным, что Франциск поспешил спросить его:

– Что с тобой, Маттео, что случилось?

– Ужасная беда, Франциск, Мария и Джулия исчезли!

– Как исчезли! – повторил озадаченный этой новостью Франциск.

– Отец их был сейчас у нас; он чуть с ума не сошел от горя и гнева. Ты знаешь ведь, что они уехали сегодня утром на целый день к Пизани.

– Знаю, знаю, ну и... говори же скорее!..

– Ну вот, неизвестно почему, но Полани, против своего обыкновения, вздумал сам поехать за ними, чтобы привезти их домой, и когда приехал к Пизани, то ему сказали, что дочери его уже часа два тому назад уехали оттуда. Ты был прав, Франциск, тут, конечно, замешана Кастальди! Она поехала с девушками утром к Пизани, оставила их там и должна была в шесть часов вечера приехать за ними в гондоле. Вместо этого она приехала за ними уже в три часа, сказав, что с их отцом случилось несчастье, что будто бы он упал со ступенек моста, сломал себе ногу и послал за дочерьми.

Понятно, они поспешили уехать. Полани уже допросил слуг, которые помогали девушкам садиться в гондолу. Они сказали, что это была чья-то чужая гондола, очевидно наемная, с наглухо закрытой каютой. Увидев чужую гондолу, девушки были очень удивлены, и Мария даже сказала: «Да, это вовсе не наша гондола!» Но Кастальди возразила на это: «Нет-нет, не наша; обе наши гондолы были посланы за лекарем, а так как ваш отец хотел, чтобы я привезла вас скорее, то я наняла первую попавшуюся гондолу. Скорее, скорее садитесь, мои милые, отец с нетерпением ждет вас». Они поспешили сесть, и гондола быстро исчезла из виду. Вот все, что мне известно; кроме того, я узнал, что все, что говорила Кастальди, оказалось ложью, что их отец вовсе и не думал посылать ее за ними и что они и по сей час еще не вернулись домой.

Глава V

Открытие следов

– Это ужасно, Маттео, – сказал Франциск, когда его друг окончил свой рассказ. – Что же теперь остается делать?

– Вот в этом-то весь вопрос, – отвечал Маттео. – Что теперь делать? Отец моих кузин уже был в городском управлении, чтобы объявить о случившемся и просить помощи для отыскания похищенных молодых девушек. Он хочет, кроме того, вывесить объявления с обещанием выдать тысячу дукатов в награду лицу, которое доставит ему какие-либо сведения, могущие служить к открытию следов его дочерей; этого будет достаточно, чтобы заставить всех здешних гондольеров взяться за дело; невозможно предположить, чтобы никто не заметил закрытой гондолы, тем более что в это время года гондолы почти все открыты. Досадно, что приходится сидеть сложа руки, когда хотелось бы сейчас же броситься на поиски.

– Отправь свою гондолу домой, Маттео; она, может быть, еще будет нужна дома. Мы же с тобой подьем на моей к лагунам и дорогой переговорим обо всем. Подумать только, что не далее как вчера вечером мы так весело болтали с твоими кузинами и что сегодня они находятся во власти этого негодяя Мочениго, который, наверное, играет в этом деле главную роль... А кстати, – прервал Франциск самого себя, – не знаешь ли ты, где он теперь живет?

– Я слышал неделю назад, что он был в Ботонде, близ Чиоггии, но где он в настоящую минуту – не знаю.

– Мне кажется, следовало бы узнать, где он находится, и проследить за ним. Возможно, впрочем, что он примет меры и в течение некоторого времени не будет навещать синьорин в месте, где их прячут, предполагая, что подозрение в их похищении падет, конечно, на него и что за ним будут следить.

– По всей вероятности, Полани уже подумал об этом и примет свои меры; в этом случае он встретит поддержку всех влиятельных лиц в Венеции, за исключением семейства Мочениго и их друзей. Похищение молодых девушек среди белого дня должно считать за обиду, нанесенную каждому семейному дому в Венеции; всякий невольно подумает, что то же самое может угрожать и его сестрам или дочерям.

– Вернемся домой, Маттео, наши разговоры не приведут ни к чему, пока мы не узнаем, какие меры приняты уже синьором Полани.

По прибытии домой Маттео узнал, что Полани в сопровождении двух членов Совета отправился на материк на одной из самых быстроходных правительственных галер. Было наскоро устроено совещание членов Совета и решено отправить двух лиц из состава Совета в сопровождении официального представителя Республики в Ботонду; им было отдано приказание арестовать Руджиеро, если только они его найдут там; в случае же, если они не разыщут его, то было приказано послать уведомление по всем городам Республики об аресте его и высылке под сильным конвоем в Венецию. Кроме того, тотчас же отрядили несколько галер к различным торговым городам Венецианской республики с приказанием делать строгий обыск на каждом вновь прибывающем или отбывающем судне и осматривать всех приезжающих или отбывающих на лодках в течение этого же вечера и ночи. Заявление о том, что Полани обещал крупную награду за отыскание своих дочерей, должно было тоже быть разглашено повсюду. Известие о похищении молодых девушек быстро распространилось, и весь город пришел в негодование. Матросы из порта Маламокко толпой появились в Венеции; они считали оскорбление, нанесенное семейству влиятельного коммерсанта, почти за личную обиду. Камни полетели в окна палатцо Мочениго, и толпа готова была разгромить дворец, если бы не вступилась полиция, взяв его под свою охрану.

– Можно еще утешаться тем, – заметил Джузеппе, – что в эту минуту Мочениго так занят своими собственными делами, что ему некогда думать о вас, синьор Франциск. Я с самой той памятной ночи плохо сплю, мне все снятся тяжелые сны.

– Ты больше беспокоишься обо мне, чем я сам, Джузеппе, но и я тоже был осторожен, имея в виду, что хотя Руджиеро и отсутствует, но друзья его находятся здесь и не дремлют, как это видно по удавшемуся похищению молодых девушек...

– Надеюсь, отец, – сказал Франциск мистеру Гаммонду на следующее утро, – что не встретится особенной надобности мне уехать отсюда в Англию, прежде чем не обнаружится что-нибудь по делу Полани.

– Скажу тебе откровенно, Франциск, что я несколько изменил свои планы; после того, что сказал мне на днях синьор Полани, я чувствую, что было бы неблагоприятно с моей стороны настаивать на твоём возвращении на родину. При его обширных торговых и деловых связях он может быть тебе чрезвычайно полезен: под его покровительство ты можешь начать свою карьеру при лучших условиях, нежели вступив в мой торговый дом в Лондоне, и потому для тебя будет лучше, если ты останешься здесь в настоящее время. Разумеется, в эту минуту Полани так поглощен заботой о своих дочерях, что ни о чем другом не в состоянии думать, но ты, во всяком случае, можешь здесь переждать некоторое время, и тогда он, по всей вероятности, займется тобой.

Франциск в душе был очень доволен решением отца.

Синьор Полани к вечеру уже вернулся в Венецию. Руджиеро Мочениго оказался дома и выразил сильное негодование против взведенного на него, якобы несправедливого, обвинения в том, что он способствовал похищению синьорин Полани. Несмотря на это, его решили держать под арестом до того времени, пока их разыщут.

Тотчас по возвращении домой синьор Полани послал свою гондолу за Франциском.

– Как видите, ваши подозрения были совершенно основательны, – сказал он, когда Франциск вошел в комнату. – Я горько упрекаю себя в том, что тотчас же не принял мер к удалению этой низкой женщины – тогда мои дочери были бы в безопасности! Мне казалось невыносимым, чтобы особа, к которой я относился как к другу нашего семейства в течение стольких лет, могла так коварно злоупотребить моим доверием, однако ваше предостережение не давало мне покоя, и я поэтому сам отправился за дочерьми, но было уже поздно! Я послал за вами, Франциск, сам не отдавая себе отчета в том, зачем я это сделал; отчасти меня к тому побудила мысль, что вы оказались более прозорливым, нежели я, в первом деле и, может быть, и теперь укажете на какой-либо способ действий для отыскания моих дочерей. Для меня, во всяком случае, несомненно одно, что это дело затеяно Руджиеро Мочениго.

– К сожалению, синьор, едва ли мне удастся придумать что-либо такое, что уже не было придумано вами. Одно только, по-моему, вероятно, что ваших дочерей увезли отсюда, так как, узнав, что обещана крупная награда за отыскание их, похитители побоятся оставить их в Венеции. Кроме того, мне кажется, что Мочениго, наверное, предполагал тотчас же ехать к ним, куда бы их ни поместили, как только ему донесли бы о благополучном исходе затеянного им похищения; теперь же, когда вы, по счастью, узнали о похищении раньше, нежели он мог ожидать, и прямо отправились к нему с приказанием Совета, то этим, по всей вероятности, расстроили все его планы. Возможно даже, что он от вас первого узнал о том, что похищение удалось. Если же вы явились бы к нему двумя-тремя часами позже, то могли бы уже не застать его.

– Я на это только и рассчитывал, Франциск; его сообщники могли располагать только четырьмя часами до моего вмешательства в это дело. Между ними, наверное, было условлено, что они ему донесут тотчас же, как только совершится похищение. Между тем я, отправившись прямо к нему на правительственной галере, рассчитывал опередить его сообщников. Была уже

полночь, когда я прибыл к нему, но он еще не спал, очевидно, поджидая своих товарищей-негодяев. Я прежде всего распорядился поставить караул вокруг его дома с приказанием задерживать всякого, кто приблизится к нему. Никто, однако, не приходил. Но известие о том, что к дому так поздно ночью подъехала правительственная галера, подняло тревогу, и пособники Мочениго, должно быть, были предупреждены о моем приезде тотчас же после моего прибытия.

– Я полагаю, синьор, что было бы весьма важно поручить нескольким доверенным лицам следить за домом, где арестован Мочениго; теперь главное, чтобы не дать ему возможности ускользнуть от надзора стражи.

– Да, это верно, Франциск, и я тотчас же приведу в исполнение ваш совет. Вы однажды уже спасли моих дочерей, и какое-то предчувствие подсказывает мне, что и на этот раз их спасение будет зависеть от вашего содействия.

– Поверьте, синьор, что я сделаю для этого все, что только будет в моих силах.

Франциск провел почти всю следующую неделю в своей гондоле. Рано утром он отправлялся с Джузеппе на материк, наводил справки по всем деревням и рыбацким хижинам, но в течение всего этого времени ему не удалось напасть хотя бы на малейший след, который мог бы помочь отыскать исчезнувших молодых девушек. Такие же неудачи претерпел и синьор Полани, несмотря на самые деятельные поиски.

Однажды Франциск возвращался домой поздно вечером, истомленный и разочарованный долгими и напрасными усилиями напасть на какой-нибудь след. Только что его гондола проскользнула под мостом Понто-Маджоре, как свет от зажженных на мосту фонарей упал на сидевших в гондоле, плившей им навстречу; их было двое: мужчина и женщина, закрытая вуалью. Ночь была удушливо жаркая, и женщина откинула свою вуаль как раз в ту минуту, когда Франциск взглянул в ее сторону. Он тотчас же узнал ее.

– Джузеппе! – вскричал он. – Наконец-то нам посчастливилось! Ты знаешь, кто эта женщина? Синьора Кастальди!

– Что же нам теперь делать, синьор Франциск? – спросил Джузеппе, который почти не менее самого Франциска был заинтересован в разыскании молодых девушек. – На гондоле только один гондольер, да еще один мужчина. Если мы на них неожиданно нападём, то справимся с ними.

– Это было бы неблагоприятно, Джузеппе; молодых девушек могут тотчас же перевезти в новое место, как только узнают, что Кастальди находится в наших руках. Лучше всего нам незаметно проследить за их гондолой.

Пока они переговаривались, встреченная ими гондола пристала к ступеням одной из пристаней, сидящие в ней вышли и исчезли в толпе, гондольер же уселся в гондоле, по-видимому поджидая своих пассажиров. Франциск направил свою гондолу несколько дальше вперед по каналу и остановился, чтобы следить за тем, что произойдет. Прошло не менее часа, прежде чем они заметили какое-то движение близ гондолы. Наконец Франциск услышал шум шагов и в темноте едва мог разглядеть фигуры двух спускавшихся к гондоле лиц; лодка отчалила и двинулась опять к мосту Понто-Маджоре.

– Не теряй гондолу из виду, Джузеппе, – сказал Франциск, направляя свою лодку вперед на некотором расстоянии от гондолы и держась по возможности ближе к набережной под тенью домов, – она скоро может свернуть в один из каналов, и мы тогда потеряем ее след.

Но гондола продолжала свой путь вперед вдоль канала, пока не остановилась близ большой четырехвесельной лодки; очевидно, начались какие-то переговоры между пассажирами, а затем гондола, за которой они следили, повернула к лагунам.

– Здесь нам будет трудно следить за ними без того, чтобы они не заметили нас, – сказал Джузеппе. – И мне сдается, что они по этой причине именно и выехали сюда. Возможно даже, что они уже заметили нас. Следовало бы нам теперь двинуться вперед и перегнать их.

– Что ж, рискнем! – отвечал Франциск.

Они опустили весла в воду, и гондола полетела вперед, но едва они отъехали на некоторое расстояние, как услышали шум весел вблизи них.

– Бери вправо, Джузеппе! – вскричал Франциск, бросая взгляд назад через плечо.

Удар обоими веслами двинул лодку в ту самую минуту, как на них налетела четырехвесельная гондола; им удалось скользнуть в сторону на расстоянии лишь трех-четырёх футов от лодки, которая своим острым железным носом, наверно, проткнула бы их легкую гондолу, если бы их не спас ловкий и быстрый поворот.

Джузеппе разразился целым потоком бранных слов, упрекая гондольеров за их небрежность, но Франциск заставил его замолчать.

– Гребите скорее, Джузеппе, разве ты не понял, что это было сделано преднамеренно; это ведь та гондола, с которой переговаривались сидящие в лодке, за которой мы следили.

Через секунду преследовавшая их гондола сделала поворот и пустилась вдогонку за ними. Все было ясно: так было, вероятно, условлено между ускользнувшей от них гондолой, в которой сидела Кастальди, и этой пустившейся вдогонку за ними лодкой, намеревавшейся их затопить.

Занятый преследованием гондолы, в которой сидела Кастальди, Франциск обратил внимание на то, что напавшая на них гондола была очень ходкая и управлялась искусными гондольерами; он понял теперь, что она может их скоро нагнать, и велел Джузеппе причалить к ступеням церкви Санта-Мария.

– Как только мы причалим, – распорядился он, – мы выскочим из гондолы, бросим ее и пустимся бежать.

Причалив к берегу, они быстро выскочили из гондолы и бросились вверх по ступеням набережной; в это время на воде раздался треск от натиска гнавшейся за ними лодки на покинутую ими гондолу. Прошла минута, прежде чем сидевшие в большой гондоле могли выскочить на берег, и Франциск с Джузеппе были уже шагов за пятьдесят от них, когда до их слуха долетел стук о каменные плиты сапог преследователей. Молодые люди были легко одеты и без обуви, так что нисколько не сомневались в том, что успеют ускользнуть от своих преследователей; действительно, в скором времени шум шагов преследовавших их замер.

– Они, наверно, разбили вдребезги нашу гондолу, – со вздохом сказал Джузеппе, – а эта негодная женщина все-таки скрылась, и мы ничего не узнали!

– Напротив, Джузеппе, мне кажется, что мы узнали все! Я убежден в том, что молодые девушки находятся на острове Сан-Николо, и удивляюсь, что это мне раньше не приходило в голову. Я полагаю так: их отвезли прямо на остров, и Кастальди приехала сюда, чтобы передать что-либо сообщникам Мочениго; гондола стояла наготове, чтобы препятствовать погоне за нею. Мы сейчас же, несмотря на позднее время, должны отправиться к синьору Полани и рассказать ему обо всем случившемся.

Четверть часа спустя они были у дворца Полани, где все уже спали крепким сном.

Вскоре, однако, показался синьор Полани, и Франциск передал ему все подробности случившегося с ними. Это была хотя и очень важная новость, но, по мнению Полани, она мало подвигала вперед дело об отыскании его дочерей. Франциск, однако, настаивал на своем: ключ к разгадке тайны у них уже в руках, и тут же рассказал синьору Полани о своем первом приключении на острове Сан-Николо и о таинственном незнакомце.

– Не знаю, как мне раньше не приходило в голову искать ваших дочерей именно на этом острове, но теперь для меня ясно как день, что Мочениго должен был перевезти их именно туда, как наиболее доступному и удобному для него месту.

Синьор Полани несколько раз прерывал рассказ Франциска, выражая свое изумление, и когда молодой человек окончил свой рассказ, то Полани согласился с тем, что молодые девушки, несомненно, должны находиться именно на острове Сан-Николо.

– Не будем, однако, считать их пребывание там несомненным, синьор; ведь, возможно же наконец, что мы с вами ошибаемся; если мы не найдем ваших дочерей в хижине, то, по всей вероятности, найдем там какую-нибудь нить, которая поведет к разысканию их.

Было решено наутро же приступить к осуществлению заранее составленного плана действий, с соблюдением всевозможных предосторожностей, чтобы не поднять лишней тревоги, которая могла только повредить успеху всего дела.

Обсудив все подробности плана действий, синьор Полани приступил к необходимым приготовлениям. Франциск же остался у него до рассвета, чтобы немного отдохнуть после всех испытанных им приключений.

Глава VI

Хижина на острове Сан-Николо

Около семи часов вечера все было готово к отъезду. Синьор Полани выехал из дому в своей гондоле один, но по дороге, у условленного места, к нему пересел Франциск и еще четыре человека. За два часа до своего отъезда он послал извещение капитану одного из торговых кораблей, стоявших в гавани, чтобы тот тотчас же с десятью своими матросами сел в большую лодку и направился к острову, но, не доезжая полумили до него, велел бы бросить якорь. По прибытии туда матросам было велено скрыться на дне лодки, сам же капитан, следуя приказанию Полани, стал зорко наблюдать за тем, не будет ли какая-нибудь лодка подъезжать к острову или отъезжать от него. Скоро после этого проехала мимо гондола Полани, и тогда капитан тотчас велел поднять якорь, люди взяли за весла, и капитанская лодка поплыла вслед за Полани, держась от него на некотором расстоянии. В скором времени гондола причалила к берегу острова, а за нею прибыла и лодка с капитаном. Выйдя на берег, Франциск пошел по направлению к хижине в сопровождении Полани и четверых людей.

– Теперь мы можем действовать смелее, – сказал Франциск, – расстояние до хижины так невелико, что похитители не успеют увести ваших дочерей, прежде чем мы доберемся до них.

– Чем скорее мы дойдем до хижины, тем лучше, – отвечал Полани. – Эта неизвестность просто терзает меня.

Они бросились вперед, и вдруг Франциск вскричал:

– Вот он этот дом, синьор, теперь мы все узнаем!

Они быстро спустились по откосу и окружили хижину.

– Отоприте! – крикнул Полани, стуча рукояткой шпаги в дверь.

Ответа не было.

– Ломайте дверь! – приказал он, и двое матросов топорами начали рубить дверь. После нескольких ударов дверь внезапно открылась, и на пороге появились два человека в рыбацких одеждах.

– Зачем вы нападаете на дом честных рыбаков? – спросили они.

– Вяжите их крепче, – крикнул в ответ Полани, врываясь в хижину вместе с Франциском.

Проникнув в хижину, он остановился с криком разочарования – хижина была пуста!

– Если их здесь нет, то они должны быть где-нибудь близко, – сказал Франциск. – Не будем унывать! Обыскав все, мы, может быть, найдем хоть какие-нибудь следы.

Внутренность хижины ничем не отличалась от обыкновенных рыбацких хижин. Посредине стоял большой стол, а у стен было несколько скамеек. По углам были расставлены весла и около них лежали в куче рыбацьи сети.

Вдруг Франциск вскричал:

– Смотрите, здесь дверь!

– Вижу, но эта дверь никуда не ведет, – отвечал Полани, – это ведь наружная стена, и она засыпана песком чуть ли не до крыши.

– Это так, а все-таки там, может быть, найдется какой-нибудь подвал; надо разузнать хорошенько.

Он сильно толкнул дверь, но она нисколько не подалась, тогда он позвал двух матросов с топорами.

– Ломайте эту дверь, – сказал он.

После нескольких сильных ударов топора дверь наконец слетела с петель, и тогда Полани со шпагой в руке, а за ним и Франциск ворвались через нее.

Оба невольно вскрикнули от неожиданности. Они очутились в помещении, пристроенном с задней стороны хижины. Комната была богато убрана, стены ее покрывали восточные

материи. С потолка спускалась зажженная лампа. В углу комнаты стояли в нерешительности, держа наготове обнаженные шпаги, двое мужчин; они, очевидно, пытались заслонить собою двух женщин, которые, как только дверь распахнулась, бросились вперед.

– Мария! Джулия! – вскричал Полани и заключил в объятия своих дочерей.

В это время Франциск с матросами приблизился к двум незнакомцам и сказал:

– Бросьте ваше оружие и сдавайтесь! Спротивляться бесполезно; там у нас еще двенадцать вооруженных людей.

Они тотчас же бросили свое оружие и покорно дали связать себя.

Несколько минут длилось молчание. Молодые девушки рыдали от счастья, а сам Полани был так растроган, что с трудом говорил. Наконец он обратился к дочерям и сказал:

– Милые мои, не меня должны вы благодарить за ваше спасение, а вашего друга Франциска, который вторично уже выручает вас из беды. Это он, моя милая дочь, спас тебя от ужасной участи сделаться женой злодея Мочениго! Обнимите его, мои дорогие, как родного брата, так как он сделал для вас больше, чем сделал бы брат. А теперь расскажите мне все, что случилось с вами с того времени, как я видел вас в последний раз.

– Ты уже знаешь, отец, что нам прислали известие о том, что с тобой приключилось несчастье и что ты требуешь нас к себе.

– Да, мои дорогие, я об этом узнал очень скоро после вашего отъезда из дома Пизани. В пять часов я поехал за вами и узнал, что вы почему-то уже уехали оттуда.

– Ну вот, как только мы сели в каюту гондолы, синьора Кастальди сначала закрыла двери, а потом и ставни окон. Мы невольно вскрикнули, когда очутились вдруг в темноте, но она строго велела нам замолчать. Мы страшно перепугались, тем более что она никогда раньше не говорила с нами таким тоном; мы хотели открыть ставни или дверь, но они оказались наглухо запертыми. Тогда мы принялись громко кричать, но наших голосов, должно быть, никто не слышал. В каюте, наконец, сделалось так душно, что я упала в обморок. Когда же я очнулась, то одно окно было уже открыто; мы в это время ехали, вероятно, уже за каналами, так как я ничего не видела, кроме неба. Как только я очнулась, окно закрыли. Гондола долго плыла, и когда она наконец остановилась, синьора Кастальди объявила нам, что она должна завязать нам глаза. Мы воспротивились этому, но она пригрозила, что это все равно сделают насильно. Мы поневоле согласились, и она обернула нам головы большими платками. Потом нас повели на берег, и когда, пройдя некоторое расстояние, мы наконец остановились, то с нас сняли платки, и вот мы очутились здесь, где с тех пор все время находимся.

– Надеюсь, что с вами обращались хорошо, мои дети? – тревожно спросил Полани.

– О да, отец! До сих пор, кроме Кастальди, сюда никто не входил. Дверь постоянно была приотворена, так как окон, как ты видишь, здесь нет. Кастальди уходила иногда и приносила нам еду. Мы видели в той комнате каких-то мужчин, но они разговаривали друг с другом всегда шепотом. Ты можешь представить себе, как мы упрекали Кастальди за ее коварство. Она говорила, что нас никогда не разыщут и что я должна примириться с мыслью сделаться женой Руджиеро Мочениго. Если же я не соглашусь добровольно на это, то они найдут меры к тому, чтобы принудить меня стать его женой. Я объявила, что готова скорее умереть, но она на мои слова только громко хохотала, говоря, что вот сейчас явится священник и, буду ли я согласна или нет, он все-таки нас обвенчает. Но под конец она, кажется, чего-то стала опасаться и раза два отлучалась из дома. Но скажи нам, отец, где мы находимся?

– Вы на острове Сан-Николо.

– На острове! – воскликнула с удивлением Мария. – А как же вы напали на наш след?

– Это я расскажу вам потом, когда мы будем возвращаться домой, Мария.

– Мы с Джулией жаждем подышать свежим воздухом.

– Поедем лучше скорее домой, мои милые дети.

Матросы и слуги громкими криками радости приветствовали молодых девушек, когда они вышли из хижины.

– Теперь надо произвести здесь тщательный обыск, – сказал Полани. – Капитан Лонтано, прикажите остаться здесь четверым вашим матросам, пока приедет городская стража. Если же кто-либо явится сюда до их приезда, то ваши матросы должны арестовать прибывших. Правительство расследует это дело во всех подробностях.

Только теперь, когда они были уже на открытом воздухе, Полани мог заметить, как сильно отразилось на его детях заточение в темном подвале и пережитые ими душевные тревоги. Полани распорядился, чтобы гондолу причалили ближе к тому месту, где они находились, и затем все вместе направились к берегу. Четверо людей со связанными руками были положены на дно капитанской лодки; туда же посадили Кастальди, и матросам было приказано ехать вслед за гондолой. По дороге Полани рассказал своим дочерям о том, как Франциску удалось разузнать место их заточения.

– Если бы не он, мои дорогие, то я, вероятно, и не разыскал бы вас, – закончил он свой рассказ, – и злодею Мочениго удалось бы осуществить его план.

– Мы до конца дней своих не забудем, что вам мы обязаны своим спасением, Франциск, – сказала растроганная Мария. – Мы день и ночь будем молить Бога за вас, не правда ли, Джулия?

– Да, – отвечала молодая девушка, – мы будем любить вас как родного брата.

– Как же намерены вы поступить с вашими пленными, синьор Полани? – прервал Франциск их слова.

– Я их привезу сперва к себе домой и затем тотчас же сообщу обо всем в Совет. Оттуда пришлют ко мне стражу, которая отвезет наших пленников в тюрьму. Теперь уже совершенно ясно, какую роль играет в этом деле Мочениго, и даже самые близкие к нему люди не дерзнут защищать его гнусное поведение. Вы себе представить не можете, какое сильное возбуждение в городе произвело похищение моих дочерей. Если бы не вмешалась в дело городская стража, то, кажется, дворец Мочениго был бы разрушен до основания, а друзья Руджиеро не решаются даже показываться на улицах. Когда все это дело кончится, нам надо будет на некоторое время уехать на нашу родину, на Корфу.

– Что касается меня, то я буду очень рада уехать, – сказала Джулия. – Мне на Корфу нравится гораздо больше, чем здесь, там и воздух гораздо мягче и полон аромата, а здесь так жарко и сыро по вечерам.

– А ты, Мария, что скажешь?

– Я тоже буду очень рада уехать, но Венецию я все-таки люблю.

– Но мы поедем не надолго, дети. Здесь скоро позабудут о нашем приключении, а нескольких недель достаточно, чтобы укрепить ваше здоровье.

Гондола приблизилась к ступеням дворца Полани. Их прибытие возбудило общую радость во всем доме. Приготовления к освобождению девушек держались в большой тайне, так как Полани опасался, чтобы в доме не оказался еще какой-нибудь пособник Мочениго. Женщины кинулись вниз для встречи, а слуги готовы были разразиться громкими приветствиями, но Полани сделал им знак, чтобы они молчали.

– Синьорины и без того достаточно взволнованы, – сказал он. – Прошу вас отнюдь никому ни одного слова не говорить о нашем возвращении во избежание всяких толков в городе, до тех пор пока Совет не решит, как поступать дальше.

Девушки поднялись наверх в свои комнаты. Несколько минут спустя подъехала другая лодка, с арестованными, которых повели в дом. Увидев синьору Кастальди, закрывшую лицо темной вуалью, многие из женщин не утерпели, чтобы не разразиться проклятиями.

– Капитан Лонтано, слуги укажут вам комнату, в которой ваши люди будут стеречь арестованных. Оставайтесь и вы здесь и не пропускайте сюда никого.

Джузеппе стоял на лестнице, и Франциск, приблизившись к нему, спросил:

– Ну а что же с моей гондолой?

– Я ее нашел за столбами у ступеней пристани: она вся разбита и залита водой. Вероятно, кто-нибудь оттолкнул ее туда, чтобы она не мешала проезду. На дне несколько дыр, а один бок совсем пробит. Должно быть, наши преследователи со злости пробили ее веслами; я не думаю, чтобы ее можно было починить.

– Ну, делать нечего, Джузеппе! Она все-таки сослужила нам хорошую службу.

– Вам придется идти со мной, Франциск, – сказал подошедший к ним Полани. – В Совете, наверное, захотят допросить вас.

– Я должен буду сказать там, каким образом мне удалось напасть на след ваших дочерей, – обратился Франциск к Полани, когда они сели в гондолу, – а сказать это я могу, только если объясню им, как мне удалось раньше узнать о сборищах заговорщиков на острове Сан-Николо. Мне не хотелось бы выдавать других лиц, кроме Руджиеро, так как у меня нет никаких доказательств их виновности, да и не желал бы я создавать себе новых врагов.

– Да, верно, Франциск. Но вы же узнали других лиц, кроме Руджиеро, так как же быть?

– Конечно, я ни в коем случае не скрою правды, но лучше, если бы я был избавлен от этой необходимости.

– И я вполне согласен с вами. Но я не вижу иного выхода, так как вы говорите, что пассажир, которого вы возили, был не Руджиеро.

– Может быть, это и был Руджиеро, только утверждать этого я не могу; незнакомец был закутан в плащ и замаскирован, так что я не мог узнать его.

– Очень жаль, Франциск, потому что если бы вы его признали, то достаточно было бы вам объяснить, что вы только из любопытства следили за ним, не входя ни в какие другие объяснения. Признаюсь вам, Франциск, что мне очень нравится в вас ваше непоколебимое стремление всегда говорить правду, невзирая ни на какие последствия.

– Вы едете теперь прямо в Совет, синьор?

– Нет-нет, мне надо известить суд, что у меня пять арестованных, участвовавших в похищении моих дочерей, и просить, чтобы он распорядился взять их под стражу, а потом я поеду в Совет и потребую суда над Мочениго, для обвинения которого у нас имеются теперь несомненные улики. Я полагаю, что Совет пока удовлетворится моими показаниями и показаниями моих дочерей, а о вас, может быть, мне удастся до поры до времени умолчать. Подождите меня здесь в гондоле, пока я вернусь обратно.

– Ну, я очень рад, – сказал Полани, после того как вернулся из Совета, – мне удалось-таки умолчать о вашем участии в нашем деле. Уже отдано приказание о снаряжении галеры на материк, чтобы арестовать Мочениго; завтра же должны явиться сюда мои дочери для допроса. Кастальди будет допрошена Советом сегодня же, и я убежден, что она сознается во всем, когда увидит, что все улики против нее находятся в наших руках.

– Я вам очень обязан, синьор, что вы меня избавили от необходимости раскрывать все это дело о заговоре. Теперь мне надо спешить к моему отцу, чтобы успокоить его и рассказать ему все подробности о спасении ваших дочерей. Он, вероятно, с нетерпением ожидает моего возвращения.

– Передайте ему, что я вечером непременно приеду к нему. Мне о многом надо переговорить с ним.

– Я очень рад, что увижу сегодня синьора Полани, – сказал Франциску его отец, когда тот рассказал ему обо всем случившемся и передал поручение Полани. – Я буду чрезвычайно доволен, если синьор Полани найдет удобный предлог, чтобы удалить тебя из Венеции, так как для юноши твоих лет такого рода похождения и связанные с ними последствия уж чересчур рискованны.

Свидание двух негодяев длилось довольно долгое время, и, когда их переговоры уже пришли к концу, послали за Франциском.

– Франциск, – обратился к нему отец, – синьор Полани был так добр, что удостоил сделать мне чрезвычайно выгодное предложение, касающееся лично тебя.

– О, помилуйте, господин Гаммонд, – перебил его венецианец. – Ваш сын оказал мне неоплатные услуги. По счастью, я занимаю такое положение, что могу быть ему полезным на его жизненном пути. Я предлагаю вам, Франциск, поступить ко мне на службу. Конечно, вам придется употребить несколько лет на изучение дела, но вы будете поставлены при этом в такое же положение, какое занимал бы и мой родной сын. Ваш отец намеревается вернуться в Англию, поэтому я предложил ему сделаться там моим агентом. Раньше мне не приходилось вести торговлю с Англией, но торговые сношения с Лондоном могут принести мне большие выгоды. Таким образом, дело может устроиться к общей выгоде. Вам, может быть, будет не совсем приятно поселиться навсегда в Венеции, но со временем, если бы ваш отец решил удалиться на покой, вы могли бы переселиться и в Лондон, приняв на себя его обязанности.

– Я не знаю, как мне благодарить вас, синьор, за ваше великодушное предложение; поверьте, что я употреблю все усилия, чтобы оправдать ваше доверие ко мне.

– В этом я отнюдь не сомневаюсь, Франциск, – сказал Полани. – Вы уже имели случай проявить свои способности, и я спокойно могу доверить вам ведение важных дел. Я вполне согласен с вашим отцом, что вам необходимо покинуть Венецию как можно скорее; поэтому я решил, с согласия вашего отца, отправить вас сегодня же на корабль «Бонито», который должен отплыть из Венеции завтра утром. Теперь я вас оставляю вдвоем с отцом, а вечером, надеюсь, вы найдете время побывать у меня, чтобы проститься с моими дочерьми.

– Да, твои приключения привели к счастливому исходу, – сказал господин Гаммонд своему сыну, когда они остались одни. – Теперь перед тобой открывается такая дорога в жизни, о которой мы, конечно, раньше не могли бы и мечтать. И если ты проявишь такое рвение и такую же проницательность в ведении дел, какие проявил в своих похождениях, то перед тобой откроется блестящая будущность. Теперь ступай к своим друзьям проститься с ними.

В восторженном состоянии духа Франциск сбегал с лестницы, вскочил в гондолу своего отца и приказал Беппо везти себя к дворцу Джустиниани. По дороге он рассказал Беппо и его сыну, что он завтра покидает Венецию и поступает на службу к Полани. Услыхав эту новость, Джузеппе опустил свои весла и, бросившись на дно лодки, залился горькими слезами; потом он быстро вскочил на ноги и обратился к Франциску:

– Если вы поедете, то и я поеду, синьор Франциск. Вам нужен верный слуга. Я упрошу синьора Полани, чтобы он позволил мне ехать с вами. Ты ведь отпустишь меня, отец? Я не могу жить без синьора Франциска; здесь я буду только горевать о нем, а там я ему буду полезен. Возьмите меня с собой, господин Франциск! Неужели вы будете так жестокосердны, что уедете и покинете меня здесь?

– Конечно, я буду очень рад, если ты будешь со мной, Джузеппе, но отпустит ли тебя твой отец? Я знаю, что синьор Полани ничего не будет иметь против этого. Он давно говорил, что хотел бы что-нибудь сделать для тебя, так как и ты подвергался опасности, когда мы в первый раз спасали его дочерей. Я уверен, что он ни в коем случае не будет препятствовать тому, чтобы ты сопровождал меня. А ты что скажешь на это, Беппо?

– Я не хочу становиться поперек дороги моему сыну, господин Франциск, но, видите, теперь он в таких летах, что мог бы быть мне очень полезен. Если Джузеппе уедет, то придется нанять другого работника для гондолы.

– Ну, мы еще переговорим об этом, – сказал Франциск. – Но вот мы уже у пристани палатцо Джустиниани, и сам Маттео спускается к своей гондоле! Еще минут пять, и мы бы разъехались с ним!

Глава VII

На купеческом судне

– Вообрази, Франциск, какая новость! Мария и Джулия спасены! Я только сейчас узнал об этом и собирался идти к тебе, чтобы сообщить эту новость.

– Твоя новость уже устарела, Маттео. Я узнал об этом еще раньше тебя.

– Мне передали, – продолжал Маттео, – что Полани отыскал их в хижине на острове Сан-Николо. Мой отец не может понять, каким образом он узнал, куда их запрятали; он говорит, что Полани скрывает, откуда он узнал об этом. Отец думает, что ему сообщил это по секрету кто-либо из семейства Руджиеро.

Франциск на минуту задумался; он уже готов был рассказать Маттео о своем участии в спасении молодых девушек, но удержался от своего первого порыва из боязни, чтобы его друг, хотя и умевший хранить тайну, все-таки случайно не проговорился.

– Дело не в том, откуда Полани получил эти сведения, – отвечал Франциск, – главное то, что он нашел своих дочерей здоровыми и невредимыми; я слышал также, что он привез с собою и ту женщину, которая обманула его доверие и завела их в западню. Счастье еще, что Полани принялся так быстро за дело и тем помешал Руджиеро увезти с острова молодых девушек.

– Отец говорит, – продолжал Маттео, – что правительство уже отправило галеру, чтобы захватить Руджиеро и привезти его сюда арестованным; говорят, что, несмотря на его влиятельные связи, ему не избежать строгого наказания. Все так возмущены его поступком, что его друзья не рискнут заступиться за него.

– А теперь, Маттео, и у меня есть новость, которой могу с тобою поделиться. Синьор Полани был настолько добр, что предложил мне место у себя, и завтра же я покидаю Венецию на одном из его кораблей, направляющихся на Восток.

– Поздравляю тебя, Франциск, и радуюсь за тебя, так как знаю, что ты охотно примешь это предложение, лишь бы не возвращаться домой в Англию. Но как все это неожиданно! Еще вчера ты ничего не знал о предстоящем путешествии, а завтра уже собираешься уезжать. Как же это так скоро устроилось? Ведь Полани не было сегодня с раннего утра, почти весь день он провел в Совете в хлопотах о своих дочерях.

– Но я виделся с ним, после того как он вернулся домой, – отвечал Франциск. – К тому же, хотя окончательное решение последовало только сегодня, Полани уже раньше несколько раз толковал об этом с моим отцом. Мне кажется, они вдвоем решили, что лучше всего мне удалиться отсюда по возможности скорее, из опасения, чтобы друзья Руджиеро не приписали опалу, которой он подвергся, моему вмешательству в его неудавшуюся попытку похитить молодых девушек.

– Одно могу только сказать, Франциск, что ты счастливеец и что я желал бы, чтобы и со мною случилось нечто подобное. Непременно буду просить своего отца, чтобы он уговорил Полани дать мне место на одном из его кораблей. Совершив несколько морских путешествий, я мог бы потом, по достижении совершеннолетия, поступить офицером на государственную галеру. Но куда же ты идешь теперь?

– Я иду сейчас в школу фехтования, чтобы проститься со своими товарищами; затем мне нужно сходить к синьору Полани, чтобы засвидетельствовать свое почтение молодым синьоринам – его дочерям; после этого я вернусь домой и пробуду с отцом уже до самого моего отъезда.

– Ну, так я провожу тебя до школы и до палаццо Полани, – объявил Маттео. – Мне без тебя здесь будет очень скучно, и я употреблю все усилия, чтобы последовать твоему примеру и уйти в плавание. Тебе, вероятно, предстоит испытать всевозможные приключения, так как, говорят, в скором времени у нас будет война с Генуей, и тебе придется зорко остерегаться

генуэзских военных галер. Корабли Полани – немаловажная добыча, и, кто знает, не придется ли тебе еще познакомиться с генуэзской тюрьмой, прежде нежели ты вернешься домой!

Пробыв некоторое время в школе фехтования, друзья отправились в гондоле к синьору Полани. Его самого не было дома, но молодых людей тотчас же попросили наверх к молодым синьоринам.

– Милые кузины, – сказал при входе Маттео, – как я счастлив, что вы избавились от всяких бед и благополучно вернулись домой! Вся Венеция только и говорит, что о вашем приключении; вы – героини дня! Вы не можете себе представить, сколько тут было волнений по поводу вашего похищения.

– Чем скорее перестанут нами заниматься, тем лучше, Маттео, – возразила Мария, – иначе нам придется сидеть затворницами до тех пор, пока какое-либо другое событие отвлечет внимание от нас. Нам, право, вовсе не хочется, чтобы на нас указывали пальцами. Уж если венецианцы так интересуются нами, то им следовало бы прежде всего заняться разысканием места, куда нас увезли.

– Но, уверяю вас, Мария, что все усилия были употреблены на это; вас искали везде; нет того гондольера, которого не опрашивали бы по нескольку раз о том, куда он перевозил пассажиров в этот день. Все рыбацьи острова были обысканы. Никогда еще, кажется, не было подобной погони! Но кому же могло прийти в голову, что вы в это время находились на острове Сан-Николо! Что касается меня, то я все время проводил в гондоле, пристально всматриваясь в окна каждого дома, мимо которого проезжал, в надежде увидеть у окна призывный знак белым платочком. То же делал и Франциск; он не менее других был занят отыскиванием вас.

– Что касается Франциска, то это дело другое, – отвечала Мария, не обращая внимания на знаки, которые ей делал молодой человек. – Он, как оказывается, умнее всех наших молодых венецианцев, и если бы не он, то, очень вероятно, мы и до сих пор находились бы в нашем заточении, из которого бог весть куда увез бы нас Мочениго.

– Франциск! – вскричал удивленный Маттео. – Как, разве это он указал вашему отцу, где вы находитесь?

– Прости мне, что я тебе не говорил об этом раньше, Маттео, – нехотя подтвердил Франциск, – но синьор Полани, как и мой отец, так настаивали на том, чтобы я молчал о своем участии в этом деле, что я счел за лучшее скрыть истину даже от тебя. Скажу только, что я напал на след синьорин лишь благодаря чистой случайности.

– Нет, нет, – вступилась Мария, – это была не случайность: вы открыли наш след благодаря вашей энергии и уму. Я не знала, Франциск, что вы хотели сохранить это дело в тайне. Мы будем осторожнее в другой раз.

– Но как все это произошло, Франциск? – спросил Маттео. – Теперь, когда я уже узнал главное, то, вероятно, ты расскажешь мне и остальное.

– Все произошло очень просто, – отвечал Франциск и в коротких словах рассказал то, что уже известно нашим читателям.

– Очевидно, умение грести ведет ко всевозможным интересным приключениям, и если бы ты, Франциск, не обладал этим искусством, то едва ли избег бы плачевной участи. Однако прекрасно все-таки ты делаешь, что покидаешь на время Венецию; слуги моего родственника могут передать друзьям Руджиеро о твоём участии в этом деле, а они, наверное, употребят все усилия, чтобы допытаться, каким образом синьор Полани получил сведения о месте укрывательства своих дочерей; с его стороны, следовательно, самое благоразумное усладить тебя подальше из Венеции.

– Как! – вскричали молодые девушки. – Разве вы покидаете нас, Франциск?

– Я уезжаю завтра утром на корабле вашего отца, синьорины.

– Но когда же вы вернетесь? – спросила Мария.

– Надеюсь иметь удовольствие увидеть вас довольно скоро, синьорина. Я поступаю на службу к вашему отцу и буду совершать постоянные рейсы на корабле из Венеции в какой-либо отдаленный порт и обратно.

– Это утешительно, – отвечала Мария, – а то мы бы поссорились с отцом, если бы он позволил вам удалиться навсегда из Венеции после всего, что вы для нас сделали, не правда ли, Джулия?

Но Джулия отошла к окну и, по-видимому, не слышала вопроса.

– Итак, мы будем иметь удовольствие с вами видеться время от времени, – продолжала Мария. – Вы будете приезжать сюда через каждые два-три месяца, и я постараюсь каждый раз уговорить отца не торопиться с новой отправкой в путь своего корабля, коль скоро вы будете здесь. Нам будет казаться, что к нам вернулся наш брат; впрочем, мы и относимся к вам, как к родному брату, Франциск. Я полагаю, что теперь нас оставит в покое этот ужасный человек, но если бы я опасалась новых покушений с его стороны, то упросила бы отца удержать вас здесь, хотя бы на время, так как уверена в том, что вы нас сумеете защитить от всяких бед.

– Я убежден, что Мочениго вас не будет больше беспокоить, – отвечал Франциск, – ему придется искупить свою вину перед вами продолжительным пребыванием в тюрьме.

– Я думаю, что это самое меньшее наказание, к которому его следует приговорить, – с негодованием произнесла Мария. – Во всяком случае, я буду чувствовать себя спокойнее, пока он сидит взаперти.

Спустя короткое время Франциск и его друг простились с молодыми синьоринами и удалились.

– Ты, однако, родился под счастливой звездой, Франциск, – сказал Маттео, усаживаясь с ним в гондолу. – Прекрасно делает синьор Полани, что удаляет тебя из Венеции, где немало молодых людей, которые будут завидовать отношению к тебе моих кузин.

– Какой вздор! – покраснев, отвечал Франциск. – Удивляюсь, право, Маттео, как ты можешь говорить такие глупости!

– Ну хорошо, хорошо! Поживем – увидим! – смеясь отвечал Маттео. – Мария старше тебя, это верно, но Джулия как раз подходит тебе по годам. Уже теперь, как уверяет Мария, они смотрят на тебя как на брата и защитника, а года через два-три они заговорят другое!

– Все, что ты говоришь, так глупо, – нетерпеливо вскричал Франциск, – что я попрошу тебя лучше замолчать!

Маттео прислонился к подушкам сиденья и начал насвистывать какую-то песенку.

– Ладно, не буду говорить об этом теперь, Франциск, – сказал он после короткого молчания, – но признаюсь откровенно, что я, с своей стороны, был бы очень рад заслужить такое внимание моих прелестных кузин, каким они достаивают тебя.

Следующее утро Франциск провел со своим отцом в толках о предстоящем отъезде и планах на будущее.

– Я надеюсь видеться с тобою время от времени, Франциск, – говорил ему отец. – Полани, наверное, даст тебе возможность бывать в Англии, куда я в скором времени уезжаю; его корабли ради торговых целей будут приставать к берегам нашей родины. Полани обещает мне относиться к тебе как к сыну, и я уверен, что случись что-либо со мною, он обеспечит твое будущее. Теперь, сын мой, вот тебе мой совет: будь сдержан и не бросайся навстречу рискованным приключениям; помни, что и на торговом судне можно подвергнуться большой опасности. Средиземное море кишит шайками морских разбойников, несмотря на усилия Венеции подавить разбои; если же возникнет война, то даже из самой Венеции и Генуи отплывут в море множество судов, которые мало чем отличаются от кораблей пиратов. Я сильно опасаясь, что Венеции грозит в будущем большая опасность. Несомненно, что Генуя, Падуя и Венгрия заключили союз против Венецианской республики, и, несмотря на все ее могущество, ей придется употребить немало усилий, чтобы избегнуть опасности, которая ей угрожает. Венеция

обладает великим даром терпения и отвагой; благодаря этим качествам ей удалось завоевать то высокое положение, которым она пользуется во всей Европе. Да, Венеция во многом достойна удивления, и хотя я рад буду вернуться в Англию, но покидаю Венецию с сожалением. Ну а теперь, сын мой, пора тебе отправляться на корабль. Полани сказал, что он отчаливает в десять часов, а теперь уже девять. Я очень рад, что с тобою будет Джузеппе; он честный малый и очень к тебе привязан; он может быть тебе полезен. Твои вещи уже отправлены, пора и нам идти.

Когда мистер Гаммонд и его сын подошли к кораблю, стоявшему в порту Маламокко, они нашли его почти готовым к отплытию: уже загружали последние тюки с товарами и матросы приступали к поднятию парусов.

Корабль «Бонито» было громадное судно, приспособленное, главным образом, для перевозки товаров. На нем было две мачты с большими квадратными парусами; он мог, следовательно, при попутном ветре двигаться вперед достаточно быстро; но искусство управлять судном против ветра было в то время еще неизвестно, и при неблагоприятном ветре кораблю приходилось или становиться на якорь, или двигаться с помощью весел, которых было по пятнадцати с каждой стороны. Когда Гаммонды поднялись на палубу, их встретил сам владелец судна, синьор Полани.

– Я пришел, – заявил он, – повидаться с вашим сыном перед его отплытием, мистер Гаммонд, и лично убедиться в том, что все мои приказания относительно его удобств исполнены. Капитан Коргадио, вот тот молодой человек, о котором я уже вам говорил и к которому прошу вас относиться так, как бы вы относились к моему собственному сыну. Научите его всему, что касается морского дела, а также посвятите его в наши торговые предприятия; познакомьте его с лучшими способами купли и продажи и со сравнительными ценами товаров. Вот, Франциск, ваша каюта.

Полани открыл дверь в обширную, прекрасно обставленную каюту у кормы корабля.

– Не знаю, как и благодарить вас, синьор Полани, – проговорил Франциск. – В этом помещении я замечаю единственный недостаток – оно слишком роскошно для меня. Я охотно согласился бы переносить кой-какие неудобства, как это приходится многим другим новичкам.

– В этом нет никакой надобности, Франциск; если представится случай, когда придется вам наравне с другими взяться за тяжелый труд, то я уверен в том, что вы не откажетесь от дела, но так как вам предстоит быть коммерсантом, а не моряком, то вам нет надобности исполнять какие-либо обязанности по корабельной службе. Помните, что вы отправляетесь в путь в качестве представителя моей фирмы. Но я должен вам сообщить неприятную новость, которую я только что узнал. Правительственная галера, которая была послана в погоню за Руджиеро, вернулась без него; оказывается, что накануне отплытия галеры с беглецом на стражу напала вооруженная шайка людей, как говорят, из Падуи и освободила Руджиеро. Мои матросы помогали страже, но негодяи взяли верх, и некоторые из них убиты; таким образом, Руджиеро опять на свободе! Это меня очень беспокоит. Негодяй едва ли осмелится вступить на венецианскую землю, но я не буду спокоен до тех пор, пока Мария не выйдет замуж. Однако матросы уже поднимают якорь и поэтому, господа, пора нам проститься.

После самого трогательного прощания с Франциском оба коммерсанта спустились к своим гондолам. Они подождали еще немного, пока подняли якорь и распустили паруса; потом «Бонито» медленно направился к выходу из гавани, и, послав друг другу прощальные приветы, отъезжающие расстались с провожавшими.

Оглянувшись, Франциск увидел Джузеппе, который стоял тут же, глядя вслед своему отцу.

– А, Джузеппе! Ну, что ты скажешь, дружище, о всем, что видишь вокруг себя?

– Не знаю еще сам, что и сказать, синьор; здесь все такое громадное и все так прочно устроено, что как-то забываешь о том, что плывешь по воде; тут точно находишься в доме, на суше. Этот корабль такой тяжелый, что боишься, сдвинется ли он с места.

– Однако ты увидишь, когда мы выйдем в открытое море, что волны легко понесут наш корабль вперед. Настанет еще, пожалуй, время, когда тебе покажется, что наша быстрая гондола была по сравнению с этим кораблем более прочным судном. А ты разве давно уже здесь, на корабле?

– Я прибыл сюда часа три назад, сударь, на лодке, на которой привезли мебель для вашей каюты. С тех пор я все тут прибирал у вас. Сюда доставлен запас лучших вин и всякая провизия, так что вам нечего опасаться голода во время пути.

– Мне даже досадно, что синьор Полани так заботится обо мне.

Через час «Бонито» уже миновал канал Маламокко и вступил в открытое море. Ветер был несильный, однако настолько порывистый, что раздувал большие паруса. Матросы все были заняты работой, сматыванием канатов, мытьем палубы и приведением всего в порядок.

– Мы начинаем наше путешествие при очень благоприятных условиях, синьор, – сказал подошедший к Гаммонду капитан. – При этом ветре нам удастся обогнуть южный берег Греции и пристать к Кандии, нашей первой стоянке. Я всегда радуюсь легкому ветру при начале путешествия, это дает всем время освоиться с обстановкой и устроиться на корабле, прежде чем мы начнем прыгать по волнам.

– Наш корабль, думаю, не скоро раскачаешь, – отвечал Франциск, разглядывая грузное судно.

Капитан засмеялся:

– О! Он может выделывать разные штуки во время бури, уверяю вас. Уж раз он начнет свою качку, так только держись. Но «Бонито» прекрасное морское судно и может выдержать любой шторм. Команда моя состоит из людей здоровых, сильных и в случае нападения разбойничьего судна мы постоим за себя.

– Как велика ваша команда, капитан?

– Она состоит из семидесяти человек. Судно – тридцативесельное, а в случае надобности мы сажаем по два человека на каждое весло; корабль кажется тяжеловатым, но он движется достаточно быстро, если удвоить число рук и весел. Нам не раз приходилось удирать от врагов, так как у нас строгий приказ до последней крайности не браться за оружие, а спасаться бегством.

– Но, вероятно, вам все-таки приходилось иногда браться и за оружие? – спросил Франциск.

– Да, мне приходилось несколько раз в жизни попадать в жестокие перепалки, но это было не на «Бонито», ведь это новый корабль, он выстроен только в прошлом году. Однажды на корабле «Лев» на нас напали три разбойничьих судна. Мы стояли в одном заливе на якоре и ветер дул с моря, когда пираты внезапно напали на нас с берега, так что уже не было никакой возможности пуститься в бегство, и нам пришлось взяться за оружие. Мы сражались пять часов, но прогнали-таки разбойников, причем два их судна были разбиты, а третье сгорело. Раза три или четыре пираты вскакивали на палубу нашего корабля, но каждый раз нам удавалось их выгонять. В этом деле, однако, мы потеряли убитыми не менее трети нашей команды; остальные все были ранены. Сам я принужден был по приезде домой лечиться месяца три от раны в плечо, от которой я едва не лишился левой руки. Тем не менее нам посчастливилось спасти корабль, на котором был весьма ценный груз. Синьор Полани наградил всех участвовавших в этом сражении. Он редкий по щедрости человек, и как бы ни было трудно иной раз собрать хорошую команду, а ему всякий готов служить. Разумеется, в нашем деле бывает всякое – и хорошее и худое. Несколько лет тому назад я со всей своей командой отсидел шесть месяцев в тюрьме в Азове. Это случилось по милости этих негодяев генуэзцев, которые всегда готовы воспользоваться случаем, чтобы насолить нам даже и в мирное время. Они настроили против нас какого-то местного хана своими наговорами, что мы будто бы занимались контрабандой товаров в другой гавани, и как-то раз неожиданно ночью на мою палубу и на палубу

еще двух венецианских кораблей, стоявших в гавани, ворвались солдаты этого хана, завладели кораблями и всех нас заточили в тюрьму. Там мы и оставались до тех пор, пока синьор Полани узнал о нашей участи и, снарядив новое судно, выслал его с тем, чтобы заплатить за нас требуемый выкуп. Там, в тюрьме, мы перетерпели всякие невзгоды: тюрьма была тесная, и мы в ней задыхались от жары; пища была отвратительная, так что почти половина из нас перемерли прежде, чем нас освободили. Было еще у нас дело в Константинополе, где генуэзцы возмутили против нас народ, и все матросы принуждены были бороться за свою жизнь.

После трех дней благополучного плавания «Бонито» обогнул берег Морей и направился к Кандии. Путешествие было весьма приятное для Франциска. Капитан показал ему список своего груза и сообщил сведения о ценах различных товаров, а также и тех товаров, какие предполагалось закупить в различных гаванях, в которых они должны были останавливаться. Ежедневно в известное время капитан занимался с Франциском изучением морской карты и знакомил его с различными пометками, на которые следовало обращать внимание при входе в гавани и при отплытии. Капитан указывал ему на наиболее удобные для спуска якоря места и на те берега материка, где можно было укрыться в случае, если бы их застигли сильные бури.

Когда корабль отошел от берега Морей, погода изменилась, небо покрылось быстро надвигавшимися с юго-запада тучами, и капитан отдал приказание закрепить паруса.

– Будет буря, – сказал он Франциску. – Это не совсем обыкновенное явление в это время года; вот уже дня два, как я ожидаю перемены погоды, но я надеялся, что мы успеем дойти до Кандии прежде, нежели разразится буря. Мне сдается, что она собьет нас с нашего пути.

К вечеру поднялся сильный ветер, и море начало бушевать. Скоро подтвердилось замечание капитана о способности корабля прыгать по волнам, и матросам пришлось бросить весла, за которые они взялись было после того, как свернули паруса.

– Нам невозможно держаться нашего курса, – объявил капитан, – придется пристать к одному из островов и бросить якорь на подветренной стороне. Советую вам лечь поскорее в койку; вы еще не приучились держаться на ногах во время качки.

Прошло еще какое-то время, прежде чем Франциск спустился в свою каюту. Перед ним разыгрывалось нечто невиданное, и он не мог наглядеться на высокие волны, которые подбрасывали громадный корабль так же легко, как будто это была яичная скорлупка. Но когда уже стало совсем темно и Франциск ничего не мог разглядеть, кроме белых гребней волн и морской пены, которая поднималась высоко над корабельным носом каждый раз, как судно ныряло в глубину, он решил последовать совету капитана и удалился в свою каюту. На другое утро рано он уже был на палубе. Над океаном висел спустившийся, точно завеса с неба, серый туман; море было стального цвета; волны с их белыми гребнями подымались еще выше, чем накануне, и, казалось, готовы были поглотить «Бонито», но каждый раз корабль выходил победителем из этой борьбы с рассвирепевшей стихией. Капитан стоял у руля, и Франциск кое-как пробрался к нему.

– Как дела, капитан? – спросил он. – Где мы находимся в настоящую минуту?

– Двигаемся, двигаемся вперед, синьор Франциск, как видите! «Бонито» молодец и поборется с бурей, хотя бы она еще больше разыгралась. Не буря меня страшит, а попадающиеся на пути острова. Будь я в водах Средиземного моря, то поспал бы еще часочек-другой на своей койке, а тут дело другое! Мы окружены островками, а где именно мы находимся – неизвестно. Ветер несколько раз в течение ночи менял направление и гнал нас то в одну сторону, то в другую. Тут собьешься совсем с толку. Я старался, насколько мог, держаться западного направления, но с этим ветром мудрено справиться. По-моему, мы должны быть близ западного берега Митилены. Лишь бы этот туман немного рассеялся, тогда все стало бы для меня ясно; я знаю наизусть очертания каждого острова на Эгейском море. С этой стороны должен бы находиться материк, а тут ничего не разберешь. Возможно, что мы прямо попадем на подводную скалу или сядем на мель у берега.

Перспектива была не особенно приятная, и Франциск попытался проникнуть взором сквозь густой туман.

– Если я не ошибаюсь в своем предположении, что мы находимся близ Митилены, – сказал капитан, – то на этой стороне острова есть безопасная гавань, и я направлю туда наше судно; эта гавань прекрасно защищена от ветра и притом достаточно глубока.

Прошло еще часа два, и погода внезапно изменилась: облака как по мановению волшебного жезла рассеялись, и солнце ярко осветило все кругом. Ветер еще не утих, однако уже одна эта перемена просветлевшего неба и моря ободрила упавших духом мореплавателей, но еще больше обрадовались они, увидав перед собою на расстоянии лишь четырех – пяти миль длинную полосу земли.

– Я не ошибся, – вскричал капитан, – это остров Митилена, и вход в гавань лежит вот в этом направлении!

Команда взялась за весла, и «Бонито» направился в гавань; сам капитан стал у руля. Прошло еще полчаса, и они приближались уже к берегу. Франциск старался разглядеть гавань, о которой говорил капитан, однако ее не было видно, но прошло еще несколько минут, и «Бонито», обогнув берег маленького острова, вступил в защищенную от ветра гавань; она была такая обширная, что, казалось, могла бы вместить в себе всю венецианскую флотилию. Тут немедленно приступили к спуску якоря.

– Просто поразительно, – заметил Франциск, – до какой степени тут тихо и спокойно после свирепого океана! Но скажите, капитан, кому же принадлежит этот остров?

– Он, собственно, принадлежит Константинополю, но генцуэзцы основали тут торговую станцию и выстроили замок. Противоположный берег острова – плодородный, но эта сторона гористая и неплодородная. Здешние жители не пользуются хорошей славой, и, случись нам здесь потерпеть крушение, нас если не убьют, то наверняка ограбят. Взгляните на эти два корабля, причаливших к берегу, близ деревни; это, наверное, разбойничьи суда – остров кишит пиратами. Венецианцы употребляют невероятные усилия, чтобы обуздать этих разбойников, но, к сожалению, слишком отвлечены раздорами то с генуэзцами, то с голландцами, и им не удается взяться за дело как следует, чтобы окончательно уничтожить эти притоны морских разбойников.

Глава VIII

Нападение морских разбойников

По приказанию капитана была спущена на воду лодка, в которой он поехал к берегу в сопровождении нескольких матросов; все были вооружены с головы до ног. Франциск присоединился к ним. Местные жители встретили вновь прибывших не особенно дружелюбно, но не отказывались вступить с ними в переговоры относительно обмена привезенного сукна на шкуры животных и на вино.

– Нам лучше всего вступить с ними в сделку, – объявил капитан, когда они возвращались на корабль за товарами. – В этой гавани не особенно часто останавливаются корабли с грузом, а дорога внутри острова через горы чрезвычайно затруднительна, поэтому нам, вероятно, удастся совершить обмен товара с обоюдной выгодой.

– Кажется, они не очень-то рады нашему приезду, – заметил Франциск.

– Пожалуй, что и так; дело в том, что генуэзцы здесь устроились как дома и всеми силами стараются подорвать доверие местных жителей к венецианцам: они внушают им, что Венеция намерена при первой возможности завладеть их островом. И вот жители разделились на партии: кто стоит за Венецию, кто – за Геную; Константинополь же нимало им не страшен, хотя они находятся под его владычеством и платят ему тяжелую дань, не получая взамен никакой помощи в случае нападения врагов. Жители острова – греки, но, кроме языка, у них мало общего с константинопольскими греками; притом же они отлично понимают, что турки завладевают все большей и большей властью, и сознают, что не Константинополь, а Венеция или Генуя спасут их от турецкого ига. Симпатии островитян, скорее, на стороне Венеции, нежели Генуи, так как венецианское владычество менее деспотичное из двух, но генуэзцы распространяют ложные сведения о нашем деспотизме и нашей жажде наживы, вот почему одни жители острова принимают нас дружелюбно, другие же относятся к нам с недоверием и ненавистью.

– Как долго полагаете вы оставаться здесь, капитан? – спросил Франциск.

– Это будет зависеть от направления ветра. Он может стихнуть завтра же или свирепствовать в течение еще нескольких дней, а пока будет дуть такой ветер, как теперь, нам нечего и думать о том, чтобы добраться до Кандии. Надеюсь, однако, что через день-два нам удастся пуститься в путь; здесь мы только даром тратим время.

На ночь была поставлена на палубе корабля вооруженная стража.

– К чему эти предосторожности, капитан? – осведомился Франциск. – Венеция ведь еще не вступила в войну с Генуей, хотя, без всякого сомнения, мы накануне ее объявления.

– Между Венецией и Генуей никогда не было полного мира, в особенности в этих морях, – отвечал капитан. – В настоящее же время более чем когда-либо нужно быть осмотрительным. На правительственные галеры они не посмеют напасть, но что касается торговых кораблей – вопрос другой! Нет, нет, поверьте моей опытности, синьор Франциск, что в этих восточных морях надо всегда быть настороже и поступать так, как будто бы наша республика ведет войну со своими соседями.

На следующее утро Франциск встал рано и вышел на палубу.

– Оказывается, что один из стоявших в гавани кораблей уже отплыл, – заметил он капитану, указывая на место стоянки тех двух кораблей, которые, по мнению, выраженному накануне капитаном, должны были принадлежать пиратам.

– Да, правда, корабль снялся с якоря и отплыл, – отвечал капитан, – любопытно, что там такое затевается? Наверное, тут что-нибудь да кроется. Ветер на море бушует по-прежнему, и это судно не двинулось бы в море без особенной причины.

Позднее капитан приказал спустить лодку и в ней отплыл к маленькому скалистому острову у входа в гавань. Выйдя на берег и взобравшись на вершину скалы, он окинул взором морское пространство. Через полчаса он возвратился на корабль.

– Придется нам еще оставаться здесь, – сказал он Франциску, – ветер дует прямо с моря в гавань, и нашему «Бони-то» не устоять против него. Другое дело то суденышко, которое, вероятно, воспользовалось ночной темнотой, чтобы удрать отсюда; оно сидит низко в воде, вероятно, они спустили паруса и, имея в распоряжении много рабочих рук, могли проскочить через узкий проход в гавань. Но нашему «Бонито» с его высокими боками и тяжелым грузом нечего и пытаться выбраться отсюда.

– Какие же, по вашему мнению, могут быть намерения у отбывшего судна, капитан?

– Возможно, что оно направилось к одному из близлежащих островов и вернется сюда с целой дюжиной ему подобных разбойничьих кораблей. Известие, что венецианское купеческое судно без провожатых задержано здесь непогодой, заставит их налететь на нас, как налетают пчелы на мед. Вообще плавать здесь без подкрепления весьма рискованно; несколько раз я указывал на это синьору Полани. Другие купцы посылают сразу восемь-десять судов вместе, и тогда им нечего бояться нападения пиратов. Синьор Полани, однако, стоит больше за то, чтобы посылать свои суда в одиночку. Он рассуждает так: одиночное судно всегда будет идти скорее, нежели целая флотилия. Это правда: если идут в плавание несколько кораблей вместе, то понятно, что им приходится принаравливаться к ходу самого слабого из них; сверх того, капитан на одиночном судне более свободен в своих действиях – ему не с кем советоваться и некому подчиняться; он знает, где ему выгоднее приступить к своим торговым операциям, направляется к этому месту и ведет свои сделки самостоятельно. Выходит, что тут многое можно сказать и за и против его взгляда на это дело. Корабли нашего патрона, идущие в одиночку, подвергаются, конечно, большему риску, но зато, если им удастся благополучно добраться домой, они приносят своему владельцу несравненно больше выгоды, чем владельцам других судов. Что же касается меня самого, то хотя я вообще больше стою за одиночное плавание, но сознаюсь, что в настоящую минуту я предпочел бы плыть в сопровождении полудюжины товарищей.

Трижды в течение этого дня капитан направлялся на выбранный им для наблюдения скалистый остров. Возвратясь из последней поездки уже поздно ночью, он сказал Франциску:

– Ветер, несомненно, стихает. Надеюсь, завтра на рассвете нам удастся выйти из западни. Я убежден, что нам тут угрожает опасность.

– Но что же возбуждает вашу тревогу, капитан? Ведь не только одно исчезновение судна заставляет вас опасаться чего-либо недоброго?

– Действительно, я подметил еще кое-что, – отвечал капитан. – Во-первых, настроение здешних жителей заметно изменилось; не скажу, чтобы они относились теперь враждебнее к нам, нежели при встрече, но когда я сегодня утром бродил по острову, то заметил среди жителей какое-то сдержанное возбуждение: люди собирались группами и о чем-то оживленно рассуждали. И вот еще что я заметил, когда взошел на высокую гору за деревней, я видел, что туда собираются какие-то люди и оттуда пристально всматриваются в море, как будто наблюдают за чем-то; мне сдается, что они ожидают прихода пиратов. Я охотно бы пожертвовал своим годовым жалованьем, чтобы сегодня же к вечеру выбраться отсюда; но так как это невозможно, то поневоле придется остаться здесь до завтрашнего утра. Я решил завтра же утром во что бы то ни стало выбраться отсюда, рискуя даже, что наше судно наткнется на скалы. Во всяком случае, если пираты на нас нападут ночью, то не застанут врасплох.

Капитан отдал приказ, чтобы вся команда была вооружена и готова встретить неприятеля. Так как, по мнению капитана, нельзя было до рассвета ожидать нападения морских разбойников, то Франциск прилег, приказав разбудить себя часа за два до восхода солнца. Сон его, однако, был тревожный; он поминутно вставал и выходил наверх, чтобы убедиться, не

приближается ли к ним неприятель. Под утро он увидел Джузеппе, который пристально смотрел на вход в гавань.

– Давно ли ты тут стоишь, Джузеппе?

– С тех пор как вы приходили сюда в последний раз, синьор.

– Не слышал ли или не видал ли ты чего-либо особенного?

– Я слышал какие-то отдаленные звуки, точно скрип канатов и блоков при опускании парусов. Этот звук повторялся несколько раз на лагунах близь входа в гавань. Я уверен, что там причалило несколько судов. Некоторые из матросов слышали те же звуки, так что я уверен, что не ошибся. Если капитан прикажет, я возьму маленькую лодку и отправлюсь туда, чтобы посмотреть, что там делается.

– Я поговорю об этом с капитаном, Джузеппе.

Узнав об этом предложении, капитан отвечал, что в этом нет никакой надобности.

– Много ли, мало ли их, – заявил он, – а нам все равно надо ждать до утра, так как нечего и думать о выходе из гавани ночью.

– Но как же в таком случае эти разбойники вошли в гавань? – заметил Франциск.

– Это совсем другое дело; по всей вероятности, их на лодке провел в гавань кто-либо из здешних жителей, или же жители прибрежных деревень указывали им путь условными сигналами; но главное, для них ветер был попутный, а для нас он неблагоприятный. Нет, синьор, одно только нам и остается, это – ждать рассвета. Я полагаю так: если их силы невелики, то мы попытаемся пробиться сквозь их суда и пуститься в открытое море; если же на нас нападет много судов, то мы здесь же в гавани вступим с ними в бой и в таком случае у нас будет больше людей, способных к защите нашего корабля, тогда как если мы возьмемся за весла, то команда сократится наполовину.

Время до первого проблеска рассвета тянулось в нетерпеливом ожидании; вся команда вышла на палубу и готовилась отразить неприятеля. Прошло еще с полчаса времени, и наконец удалось разглядеть темные очертания судов, приютившихся под защитой острова у входа в гавань.

– Так и есть, – заявил капитан. – Вы можете теперь их разглядеть, синьор Франциск; по моему, у них там с десятков судов, но возможно, что их и больше, так как некоторые могут скрываться за островом. Пройдет не более часа, и мы узнаем все.

Франциск удивлялся тому, что капитан не велел команде держать наготове весла, так как это считалось общепринятой мерой предосторожности, при помощи которой можно было не подпускать неприятеля близко к кораблю. Но капитан объяснил ему следующее: во-первых, бока «Бонито» так высоко стоят над водой, что пиратам, во всяком случае, будет очень трудно забраться на палубу, но, главное, надо сберечь весла, а неприятель будет стараться их уничтожить, если они будут выставлены наружу. «Я долго думал над этим, – продолжал капитан, – и решил, что лучше иметь наготове только по три-четыре весла с каждой стороны и потихоньку двигать «Бонито» к морю».

Только с наступлением утра им удалось отчетливо разглядеть неприятельские суда. Они были различных размеров, начиная от длинных, низких лодок и кончая большими кораблями с огромными парусами и длинными веслами. На всех этих судах было множество людей.

– Ни один из их кораблей не стоит так высоко над водой, как «Бонито», – заметил капитан, – и им нелегко будет забраться на нашу палубу. Тем не менее хотя нам угрожает серьезная опасность, но дешево и им не отделаться. Едва ли они рассчитывают на то, что мы так хорошо вооружены и так готовы к бою.

И действительно, на «Бонито» все было готово к борьбе. Две или три бочки с горючим составом, известным под названием греческого огня, были поставлены на палубу; были также приготовлены котлы со смолой. Тридцать человек, вооруженных стрелами и луками, стояли на корме; остальная команда разместилась у бортов, держа наготове копья, секиры и сабли.

– Лучше всего нам стать поближе к входу в гавань, прежде чем вступить в бой, – сказал капитан и скомандовал: – Тащи якорь! Берись за весла по четыре человека с каждой стороны!

Все было исполнено, как приказал капитан, и «Бонито» медленно двинулся к входу в гавань. Как только весла коснулись воды, тотчас засуетились на разбойничьих судах. Там тоже бросились к веслам, и через две-три минуты пираты уже быстро выступали вперед навстречу «Бонито». Они подняли угрожающие крики, но находящиеся на «Бонито» отвечали молчанием на их угрозы. По команде все люди спрятались за борт корабля; выделялась лишь одна фигура капитана, который поднимал на главную мачту флаг с изображением на нем венецианского льва. Навстречу «Бонито» полетела целая туча стрел, но капитан не отвечал на нападение, пока не приблизился к нападающим на расстояние пятидесяти шагов. Тогда раздалась команда капитана, стрелки вскочили на ноги, и с «Бонито» посыпались стрелы, метко направленные на усыпанные людьми суда пиратов. Снова раздалась команда капитана, и весла были укреплены по бортам судна.

Еще минута, и два самых больших разбойничьих корабля бросились к «Бонито». Их встретили целым потоком горячей смолы; в них полетели котлы, наполненные «греческим огнем». Те из нападающих, которые полезли на борт «Бонито», были встречены копьями или сбиты ударами секир, многие попадали в море, другие же сами бросились в воду, чтобы спастись от «греческого огня».

Огонь быстро охватил корабли, и не прошло пяти минут с начала боя, как два корабля пиратов, пылая в огне, бросились в сторону от «Бонито». В это время, однако, и другие корабли не оставались в бездействии, и целая туча метательных снарядов полетела в «Бонито». Участь, постигшая их товарищей, показала им, однако, с каким опасным врагом им приходится иметь дело, и никто из пиратов не отважился после этого лезть прямо на огонь.

– На весла! – скомандовал капитан, и «Бонито» опять двинулся вперед.

– Одного я боюсь, – заметил Франциск, стоя рядом с капитаном, – что они могут врезаться в наш корабль носами своих судов. «Бонито» крепко построено, но может случиться, что эти разбойники пробьют его борта. Не полагаете ли вы, капитан, что было бы хорошо нам перевесить через борт тюки с сукнами, чтобы ослабить удары, которые они могут нам нанести?

– Недурная мысль, – сказал капитан.

И с десятков матросов тотчас же по его распоряжению бросились за тюками, обвязали их веревками и уложили вдоль бортов, чтобы при первой же надобности перекинуть их за борта корабля.

Эти меры были приняты как раз вовремя: несколько небольших лодок пиратов отошли в сторону, и вдруг две самые большие из них со всего размаха бросились на «Бонито» с двух противоположных сторон.

Минуту спустя «Бонито» весь затрясся от страшных ударов двух кораблей. Носы кораблей пиратов, казалось, врезались в «Бонито», но толстые тюки, спущенные по его бортам, сохранили корабль от жестоких ударов, хотя он весь заскрипел, швы его разошлись и вода ворвалась внутрь. Но команда не считала это еще большой бедой и все свое внимание сосредоточила на метании стрел и бросании горячего материала в неприятеля, который уже начал в беспорядке отступать.

– Теперь двинемся вперед, – сказал капитан и отдал приказание, чтобы вся команда взялась за весла.

Весла в одну минуту были пущены в ход, и «Бонито» направился к выходу из гавани. Пираты в своих более легких на ходу лодках столпились у выхода, пытаясь загородить дорогу «Бонито» и посылая ему вдогонку стрелы, но не рисковали подходить слишком близко из боязни подвергнуться такой же участи, как и другие их корабли. Как только «Бонито» обогнул островок у входа в гавань, матросы приступили к поднятию парусов. Ветер в течение ночи значительно утих и дул уже с востока, так что «Бонито» мог двинуться вперед попутным вет-

ром. Теперь можно было убрать весла и довериться парусам; матросам было отдано приказание заделать пробоины в стенах корабля. Принялись считать раненых, и оказалось, что из команды убито шесть человек и двадцать девять получили более или менее тяжкие повреждения от неприятельских стрел. Франциск получил две раны – одну в правую ногу, а другую в бок.

– Напрасно вы так горячились, синьор, – говорил капитан, помогая Джузеппе перевязывать раны молодого человека. – Синьор Полани снарядил вас в путь не для того, чтобы вы служили мишенью для стрел пиратов. Но вы проявили необыкновенную храбрость и находчивость. Удивительно, как это вам пришло на ум защитить бока корабля нашими тюками?

– Очень просто, капитан, я где-то читал рассказ о том, как осажденные однажды защищали стены своих укреплений связками соломы, которая ослабляла силу ударов боевых снарядов. Как только вы начали говорить о том, что пираты постараются пробить бока «Бонито», я вспомнил об этом случае и подумал, что, за неимением соломы, можно воспользоваться тюками с сукном.

– А все-таки дело было очень рискованное, – заметил капитан. – Я нагнулся через борт в момент нападения и заметил, как бока «Бонито» поддались от удара; я был уверен, что образуется громадная пробоина. К счастью, наш «Бонито» крепче кораблей пиратов, и они сами пострадали от ударов больше, чем мы. Но была минута, когда, сознаюсь, у меня душа ушла в пятки.

– А я-то, капитан! – отвечал Франциск. – Я даже почти не почувствовал боли, когда был ранен, до того я был взволнован.

«Бонито» двигался вперед, подгоняемый попутным ветром всю дорогу до самой Кандии; по прибытии туда капитан доложил командиру венецианской военной галеры о произведенном на них нападении, и тотчас же был отдан приказ снарядить корабль для преследования всех пиратов, какие только попадутся по пути.

Окончив объезд сирийских портов, «Бонито» пустился к северу с целью пройти Дарданеллы и Босфор и направиться далее к Азову. Причалив, однако, к берегу маленького острова Тенедос, близ входа в пролив, капитан узнал такую новость, которая заставила его изменить свое намерение. В Константинополе вспыхнуло восстание, в котором принимала участие Генуя, получившая в награду за свои услуги остров Тенедос.

Эта новость распространилась на острове как раз в то время, когда «Бонито» подходил к его порту. Город был сильно взволнован этим известием.

Народ бежал к губернаторскому дому с громкими криками: «Долой Геную!» – и губернатор, лишенный всякой поддержки, принужден был уступить народной воле и отказаться от подчинения генуэзцам. Один венецианский богач, давнишний житель острова, еще больше смущал народ своими подстрекательствами, уверяя, что жителям острова нечего надеяться на помощь Греции или Генуи и что только одна Венеция окажет им покровительство. Так как симпатии народа и без того были на стороне венецианцев, то он с восторгом склонился на эти увещания, и знамя святого Марка было торжественно водружено на площади, причем было объявлено, что остров отдает себя во власть Венеции.

Находившаяся в порту генуэзская галера тотчас же отбыла в Константинополь, где начали преследовать живших там венецианцев.

Как только все эти вести дошли до капитана «Бонито», он немедленно стал советоваться с Франциском.

– Очевидно, синьор, – рассуждал капитан, – что ввиду такого тревожного времени нам придется отказаться от нашего намерения двигаться к северу; если нас не захватят в Константинополе, то мы можем попасться в руки генуэзцев. Остается одно – возвратиться в Венецию с тем небольшим грузом, который нам удалось добыть, а по приезде туда мы испросим новых приказаний у синьора Полани. В общем, нельзя сказать, чтобы наше путешествие было неудач-

ным, и лучше нам сохранить хотя бы то, что мы приобрели, нежели рисковать потерять все наше достояние.

Франциск нашел, что капитан прав, и «Бонито» повернул к югу. Дорогой они несколько раз приставали к встречавшимся на пути островам. Везде, вследствие облетевшего повсюду известия, что Генуя и Венеция находятся накануне войны и что, следовательно, прекратятся всякие торговые сношения, жители спешили запастись у капитана товарами на очень выгодных для него условиях.

Таким образом, «Бонито», после почти трехмесячного отсутствия, вернулся в Венецию. Как только был спущен якорь, капитан в сопровождении Франциска нанял гондолу и направился в город, чтобы отдать синьору Полани отчет об их плавании и вручить ему опись привезенного груза.

Коммерсант встретил их весьма радушно и сказал, обращаясь к Франциску:

– Идите сейчас же к моим дочерям, они с нетерпением ожидают вас, так как весть о прибытии «Бонито» в наш порт дошла до нас еще за час до вашего приезда. Мы слышали также о ваших приключениях с пиратами и о храбрых подвигах экипажа «Бонито». Я уже распорядился, чтобы матросам и всем служащим был выдан в награду месячный оклад. О вашей личной храбрости и находчивости, Франциск, у нас с вами будет особый разговор. А теперь мне нужно заняться с капитаном, так что вы совершенно свободны.

Франциск тотчас же воспользовался разрешением синьора Полани и поспешил к молодым девушкам, которые приветствовали его самым сердечным образом.

– Мы от души обрадовались, Франциск, когда отец объявил нам о входе «Бонито» в порт; какое-то время мы не имели никаких известий о вас и боялись, что вы прибудете в Константинополь раньше, чем узнаете о смутах, которые там происходят. Там вы легко могли попасть в плен!

– Как видите, мы целы и невредимы, но я, признаться, был очень рад, когда мы повернули обратно к Венеции. Путешествие было очень приятное и полно приключений, но три месяца пути дали себя знать, и я уже начал тосковать по Венеции.

– По одной только Венеции? – лукаво спросила Мария.

Франциск улыбнулся.

– И, разумеется, по вам, – отвечал он, – так как Венеция для меня не была бы так дорога, если бы вы не жили в ней.

– Это мило сказано, – отвечала Мария. – Мне кажется, что вы стали немного любезнее, чем прежде. Но оставим этот разговор, Франциск; мы с нетерпением ждем от вас рассказа обо всех ваших приключениях; мы слышали многое о них, но интереснее будет узнать все подробности от вас самого.

Франциск приступил к подробному рассказу, который очень заинтересовал молодых девушек, тем более что они сами бывали во многих местах, которые он им описывал. Затем молодые люди заказали себе гондолу и предприняли прогулку по каналам Венеции.

Глава IX

В плену

Узнав от капитана, как усердно Франциск во время плавания занимался своим делом, как исправно он вел корабельные отчеты и ревностно исполнял морскую службу, синьор Полани призвал его к себе и сказал:

– Другие молодые люди в ваши годы мечтали бы больше об удовольствиях и развлечениях во время такого путешествия, поэтому меня вдвойне радует, что вы проявили такой горячий интерес к порученному вам делу. Я чрезвычайно доволен результатами вашего путешествия. Впрочем, вероятно, вам не скоро придется опять уехать, так как мне не хотелось бы отправлять в новое плавание «Бонито», прежде чем не выяснится положение дел в Константинополе. Я очень рад сообщить вам, что с тех пор, как исчез Мочениго, мы о нем ничего не слышали. Бывшая дуэнья моих дочерей, Кастальди, приговорена к заключению в тюрьму на четыре года, но, по моему ходатайству, она будет освобождена через шесть месяцев, с условием, однако, навсегда удалиться из пределов Республики. Ваше имя вовсе не было упомянуто в этом деле, так что вы можете быть теперь совершенно спокойны.

– Я буду очень рад провести в Венеции неделю-другую, – сказал Франциск, – но если вы снарядите один из ваших кораблей после этого срока, то я с удовольствием готов предпринять новое путешествие. Теперь, когда я прервал свои учебные занятия, я, вероятно, скоро соскучусь без дела. Маттео передал мне, что вы обещали доставить ему случай совершить несколько плаваний на ваших кораблях и что ему предстоит уехать в скором времени. Если это дело решенное, то для нас обоих было бы большим удовольствием отправиться в плавание вместе.

– Что ж, это я могу устроить, Франциск. Это даже было бы очень полезно для Маттео. Он славный малый, но, надо сознаться, несколько легкомысленный человек. Я охотно сам предложил бы вам ехать с ним, но корабль, на котором я рассчитывал отправить его, будет готов к отплытию уже дней через десять, а я полагал, что вы предпочли бы остаться некоторое время в Венеции. Если же вы сами стремитесь уйти в плавание, то я, конечно, устрою, чтобы вы поехали вместе с Маттео. На этот раз я отправлю вас в качестве заведующего погрузкой, так как вы успели вполне ознакомиться с этим делом. Капитан судна, на котором вы пойдете, прекрасный моряк и очень отважный человек, но к торговым делам он совершенно неспособен, и мне, во всяком случае, пришлось бы послать с ним человека, опытного в этом отношении; ваше же решение ехать избавит меня от необходимости подыскивать такого человека.

Две недели пролетели очень быстро, и хотя Франциск провел это время чрезвычайно весело в доме Полани, тем не менее он был очень обрадован, когда Полани объявил ему, что корабль начнет грузиться на следующий же день.

– Вам придется рано утром отправиться на корабль, чтобы следить за погрузкой товаров, вести счет тюкам и бочкам и распоряжаться укладкой товаров по местам, – добавил Полани.

– Право, отец, это вовсе не любезно с твоей стороны, что ты отправляешь Франциска в плавание так скоро, – сказала Мария.

– Но Франциск сам выразил желание уехать, и я думаю, что в этом случае, скорее, виноваты вы, а не я.

– Каким же образом мы можем быть виноваты? – удивились молодые девушки.

– А вот каким. Если бы вы старались сделать приятным пребывание его здесь, то, конечно, он не подумал бы покинуть так скоро Венецию; а если он теперь так стремится уехать, то это доказывает, что вы не сумели выполнить как следует роль любезных хозяек.

– О, синьор Полани, ваши дочери были безгранично добры ко мне, но я, признаюсь вам, не особенный любитель всяких собраний и увеселений. Я чувствую себя как-то не по себе среди разряженных кавалеров и дам и даже не постигаю, как можно душные комнаты и при-

нужденные разговоры предпочитать прогулке по палубе корабля, не говоря уже о том, что мне очень хотелось бы заняться изучением моего дела, а на это требуется много времени.

– Мне очень приятно видеть в вас такое рвение, Франциск. Однако я еще не сказал вам, куда я намерен отправить «Лидо» – так называется ваш новый корабль. На этот раз вам придется плыть совсем в другую сторону. Весной у нас, наверно, начнется война с Генуей, а так как Падуя и Венгрия, вероятно, тоже примкнут к ней, то мы можем очутиться совершенно отрезанными от материка, и в случае поражения нашего флота нам может угрожать голод. Поэтому я намерен сделать большие запасы зерна на моих складах и с этой целью хочу отправить «Лидо» в Сицилию для закупки его. Если же вам там не удастся купить зерно вследствие слишком высоких цен, то вам придется направиться в мавританские порты.

Франциска одолевало такое страстное желание уехать, что он вовсе не заботился о том, куда именно заблагорассудит послать его Полани, но Маттео, в душе очень довольный тем, что он отправится в плавание вместе со своим другом, был тем не менее очень разочарован, когда узнал, что они поедут только для закупки зерна на Сицилию.

– А я-то надеялся, что нам предстоит длинное морское путешествие и что мы побываем в разных интересных местах, – сказал он Франциску.

– Да, действительно, путешествие будет непродолжительно, если, конечно, нам будет благоприятствовать попутный ветер; впрочем, нельзя наперед предвидеть, что может случиться в дороге, даже короткое путешествие часто бывает сопряжено с различными приключениями.

Переход до Сицилии они совершили в короткое время. В распоряжении Франциска и Маттео была прекрасная каюта, и они проводили время очень приятно. Однажды, выйдя утром на палубу, юноши были чрезвычайно поражены, увидев перед собой большую конусообразную гору; это был знаменитый вулкан Этна на острове Сицилия, величайший из вулканов Европы. Им не доводилось раньше видеть гор такой высоты, и они долго любовались чудным зрелищем, но любопытство их было еще более возбуждено, когда они увидели легкие облака дыма, поднимающиеся из кратера.

– Уже только ради того, чтобы посмотреть на эту гору, стоило сюда приехать, – сказал Франциск.

– Какая она громадная и вместе с тем какая правильная по своей форме. Я бы желал взобраться на ее вершину; воображаю, какой чудный вид оттуда! – сказал Маттео.

– Но взобраться туда вовсе не так легко, как вы думаете, – вмешался в разговор капитан. – Глядя на гору отсюда, вы себе представить не можете, как она высока и как трудно добраться до ее вершины.

– Я уверен, что ты не пройдешь и четверти пути, как захочешь скорее вернуться назад, – сказал Франциск. – Помнишь, как ты, бывало, ворчал, когда тебе приходилось взбираться по лестнице в мою комнату в прежнем доме, ну а Этна, пожалуй, будет раз в двести выше.

На следующий день они приближались к порту Джирдженти, где рассчитывали застать грузом. Они смело вошли в гавань, узнав от рыбаков, что в ней нет генуэзских кораблей, и стали на якорь. Франциск, захватив с собой список торговых домов, с которыми обыкновенно вел дела Полани, тотчас же отправился на берег в сопровождении Маттео и Джузеппе. Здесь ему удалось скоро окончить свои дела; урожай в этом году был хороший и хлеба было в изобилии.

На другой день приступили к погрузке закупленного зерна, и дня через четыре корабль был наполнен доверху.

Франциск отправился в последний раз на берег, чтобы закончить расчеты, и в то время, как он производил уже последнюю выплату, в контору быстро вбежал Маттео.

– Четыре генуэзские галеры входят сейчас в залив, – объявил он.

Франциск тотчас же выбежал из конторы, желая лично убедиться в справедливости сообщения Маттео.

– Теперь нам не избежать встречи с ними, – сказал он. – Не будь наш корабль так нагружен, нам, может быть, удалось бы ускользнуть от них, а при теперешних условиях и думать нечего об этом.

– Что же мы будем делать, Франциск?

– Ты лучше оставайся здесь, Маттео. Я же отправлюсь на корабль и отошлю большую часть людей на берег. Если даже генуэзцы завладеют нашим кораблем, то не захватят, по крайней мере, в плен наших людей.

– Лучше, если бы ты тоже вернулся на берег, Франциск, а корабль поручил капитану. Все равно ты ничем не поможешь, если останешься на корабле, а рисковать собой было бы неблагоприятно.

– Ну, увидим, что будет, – отвечал Франциск, – но ты-то, во всяком случае, останься здесь.

Вскочив в лодку, он приблизился к «Лидо», стоявшему на расстоянии около ста сажений от берега, и еще на ходу отдал команде приказание спустить шлюпки на воду.

– Капитан, – сказал Франциск, взойдя на палубу, – я не знаю, угрожает ли нам опасность быть захваченными генуэзцами или нет, но, во всяком случае, нам не следует рисковать жизнью людей, и поэтому отправьте команду, кроме трех или четырех человек, на берег. Если генуэзцы явятся сюда, то мы покажем им наши бумаги, из которых они увидят, что мы мирные торговцы, приехавшие за покупкой зерна.

– Надеюсь, однако, синьор Франциск, что вы ни в каком случае не останетесь на корабле? Наш патрон будет чрезвычайно огорчен, если вас захватят в плен. Поэтому я, как капитан корабля, настаиваю на том, чтобы вы удалились на берег, в противном же случае я отправлю вас силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.